

пролетарии всех стран, соединяйтесь!

смена № 27

30 сентября 1931 года

литературно-художественный и общественно-политический иллюстрированный журнал рабочей молодежи
орган ЦК и ММ ВЛКСМ

Изд. ОГИЗ—МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ

редактор: РЕДИОЛЛЕГИЯ

Адрес редакции: Москва, центр, Б. Чернышевский пер., д. 6, тел. 5-67-09

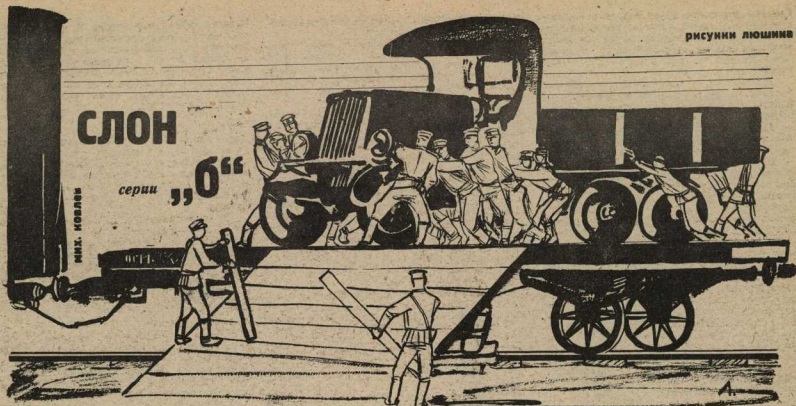
ТОЛЬКО ТОГДА,

КОГДА

страна будет электрифицирована,
под промышленность, сельское хозяйство и транспорт
будет подведена техническая база
современной крупной промышленности,—
только тогда

МЫ ПОБЕДИМ ОКОНЧАТЕЛЬНО

ЛЕНИН

СЛОН

серии „Б“

И.И. КОВАЛЕВ

1. — Разоспался! Вставай, слышишь! Приехали... в воду, раздели! Ванятка быстро пожевал пересохшими губами, вздохнул и поднял веки. Клофобоватая борода Вилана гримасила над ним. — Вставай! Насыпь подмета... пассажирский проследил, а ми... — Соберай монета! Колхоз тут поблизости, авось дадут телегу. Поезд стоял на высокой насыпи. Вперед таянула печальная болотистая степь. Справа — убегающая к горизонту тусклая рыба рыбина.

Пассажир, ежась в предуремном робком ветре, растерянно толпился у вагонов. — Нешто мы отвечаем, граждане... виновато бубнил в ответ, плечистый обер, — стихия, так сказать. Что? Не иначе толкачом, назад до Гауковской. Ванятка промолчал и, вскидывая узелок на плечо, шагнул к обрыву. Места кругом были знакомы с детства. Здесь работал он батраком-нашумником, пока совхоз не послал на учебу в Москву.

Но Вилни все-таки рассердился. — Ты куда? В канаву поези! — закричал он. — Правее надо, видишь, спуск к дороге... И директор решительно двинулся вдовь молчаливых вагонов. Последнее звено состав — четырехосная грузовая платформа — стояла как раз у запырявшего соседней проселок шалабама. На платформе проступали через предохранительный брезент грузные контуры огромной машины. Приз нанял, што ли? — приставляиваясь, указал на лесе Ванятка. — Эх и хороши, должно, моторчик. Не приходилось на таких, а скажывай, товарищ Вилни, по любой дороге проходит.

— По какой хочешь, да... — рассеянно ответил директор, нагибаясь, чтобы пролезть за шалабама. Потом вдруг сорвал движение и медленно выпирался. — По какой хо... стой-ка, стой... А если... — Вилни остановился, приоткрыл рот, и глаза его сверкнули.

— Ванятка, слушай! Возмеще-са? — внезапно крикнул директор, и ценные пальцы его сланили руку шофера. Парень помолчал и понимающе спросил: — Пуги, думаете?

— Ну, ну... обрадовался Вилни. — Ты пойми, мидый. Ведь какое бы дело, сделали! Беговыми мон! Иначе-то провал. Шестидесяти процентов плана не испашем. А тут... Скажи ты мне, прямо скажи: возмеще-са? Ванятка закусила губу и по-стариковски серьезно сдвинул пушистые брови:

— Как сказать, товарищ Вилни... — Прямо скажи. Боишься? Шофер заколебался: — Не знаю я этих машин, — тихо сказал он, — а бояться — нет, не боюсь. — Спрашивишь?

Ванятка глубоко вздохнул, подумал еще и бросил коротко: — Ладно! Подем!

Вилни умел заражать своей энергией окружающих. Той его спокойный и уверенный, невольно подчинил себе собеседника. Накладные на груз зашептели в его руках, как приказы. — Вот они где лежат. Видел? Пока не заледо бомото — повезет. Машина какая, чуешь?

— Держи! Расписываться в получении где? — Не дури! За что отвечать? За хорошее дело? Вот забюрокритишься, откажешь, — тогда ответишь.

— Не в станции, говорю, дело! Каляд государственней! Где государство выднее, там ее и дашь.

Обер и товарищ старший жались, чесали затылки, нерешительными пальцами млила накладные, буркала, поднимаясь нехоти, как под дулом нагана.

А Вилни уже лез в соседний вагон, — Товарищ комзвод, слышали, какое дело? — Вы с ребятами?

— Перебрасываю? Сорю у вас, што ли! Небось по начальнику — дюже, молодцы. Подсобите!

— Красная армия на трудовом фронте, так скажывай... Сероголазый, коренястый комзвод понял с ласку. Вскочил рукой и веселые складисте красноречивы побежали к нему со всех сторон. — Подсобим! — загудели кругом. — Знамо дело.

Радам на открытых платформах желтели штабели пятнадцатиметровых досок.

Легуный хосой настия прямо к поселку выростал под обрывки пелеси и бойдрый гогот. Восемьдесят парк мелькая звеньями одной неуклюжо движущейся цепи. Настия уже прохотал под дожими салагами. С машины стаскивали брезент.

— Теперь внимание. Спускаем, товарищи! — весело распорядился Вилни, укрепляя последнюю доску.

— Дюже, дюже, расом! — согласно рывкали напряженные груди. Грузовик двинулся медленно, точно раздумывая, качнулся и вдруг решительно перевалился через край платформы.

Держать! — заволдовался Вилни. — Не отпущать! Тормози!

Колеса плавно повернулись, и мягко дрогнул машина скатилась на дорогу. Ванятка нетерпеливо распахнул коужу и погрузился в рассматривание мотора. Люди окружили машину и смотрели на осиненное ним чудовище.

Четырехобхватный моторный коужу возмещался над тной, как чудовищная морда. Стеклом и медью сверкала широкие галсины фар. Не-окруженные гнутые оси, пружинные крепления рессор, похожих на батарейские бедра, поддерживали легую спину кузова. Краина рулевой будки поднималась, как выхлупый череп. Жельак сплошных вездеходных шин казался мускулистыми икрами на шести испанских круглых ногах.

— Богатыри! — громко сказал Вилни. — Восемь тонн поднимает. Не машина, а слон. Зверь пока заргачный, а скоро и у нас, в Нижнем, такие делаться будут. — Директор приукомл, и нежно пробавля глазами по никелированной табличке на левом крыле, где значилось коротко:

Bussing serie B № 01716

Закончил:

— Слон и есть. Слон сериш Б.

2. Ванятка напружился. Осторожно и выветельно, как прискают к грузным детям, до-тронулся до рычага. Лязгнула крышка дроссельной.

Выхлупная труба бухнула золотой искрой и упритой дамкой взорвавшегося газа. Мотор грянул густо и мощно, раз, другой, затормозился, ударом догоняя удар, и залял властно и негодующе, как большой, рассерженный пес.

— Горючего хвати? — спросил Вилни. Ванятка, не поднимая глаз от колеса, медленно кивнул:

— Угу! Держать-то на Ильинское, што ли? — Должно быть, так... Левее все, понятно, залито... Километров под семидесят будет?

— Должно так... Часа в два додем.

— Ишь ты! В два? — радостно усмехнулся директор. — По такому-то пути?

Ванятка, не оборачиваясь, усмехнулся.

— А как берет, вгляните! Вот сияшка!

— Машина, верно, того... радостно сказал директор.

Ванятка рассеянно кивнул в ответ и тотчас встревоженно намурился. Вилни пытанно проследил за его взглядом и понял: прослед круто вскидываясь вперед на длинный двухобхватный холи, обросший белой шетной сухой прошлогодней травой. Тяжелый подъем казался непреодолимым для перегруженной машины. Ванятка перевел рычаг.

Сиденья порывисто дернулись, точно выскаканы из-под людей. Силки tutto нажали на плечи. «Слон» надсадно рычал, ринулся вверх, точно на штурм неприступной тверди. Колеса похрюпели под колес. Высота была всята одним порывом.

— Здоров, детушка! — снова не удержал восклицания директор. — Ну и здоров! Ванитка только хмыкнула, всем своим видом показывая, что это все пустяк.

— Места словно бы незнакомо, — убавляя ход на спуске и урывками озираясь, сказала он. — Куда теперь?

— Прямо, — сказала Вилина. «Слон» разогнулся шарманка, отшмыгивая назад растерявшиеся километры. Провисая, поминаясь, обонула склоны гранитного хорма. Справа почти вплотную сошлись к дороге ступане кричи и плетни, околицы, журавли колодеи и тонкие ветлы.

«Слон», мерно гудя, сбавил на широкую прямую, как рельс, улицу.

— Так прямо! — показала директор. — Сейчас мост будет.

Платежники, плетни, ухабы и заплаты отпрыгнули назад. От той же берег в россыпи разноцветной гремячей гальки вылетелся из-за крутого поворота.

На берегу, крича и толкаясь, теснились люди. Ванитка дал тормоз и сквозь шум оставившегося мотора уловил зрительное Виктора. Встрепенувшись, он обернулся. Вилна тикала пальцами в сторону и повторяла: — Мост... глады... мост!

В. Люди в машине насупленно слушали, что говорил им председатель колхоза, рубособорный, упрямый человек:

— На Болотную дернитесь... В вагоны перегрузите, — повествовал «прес».

— Опупел! — возмущался директор. — Скажано тебе, размыло колею. На Болотной составов своих нет. Последний пассажир уже просеко-чил, а мы не успели.

Черные пальцы Ванитки легли на руку Вилны.

— Товарищ, директор! — выкрикнул шофер. — Пассажир, говорите? А не успеет ли? Вилна поняла мгновенно. Восклицав брови и одним движением вырвал из кармана часы: — Десять, — передала. Через Болотную по расписанию двенадцать, десять. Точно помню. Сколько здесь? Тридцать километров? Всего? — обернулся он к председателю. — Да еще заходит вода. Успеем! Честное слово, успеем! Перегрузите и шал! Спасибо, Ванитка Жиню, живо давай!

Когда «Слон» стал медленно скатываться с Ивинского хорма, люди в машине встревоженно переглянулись: впереди повсюду была вода. Жесткая степь дышала тяжелой испариной струнстых туманов. Бесформенные дурястакса и выростая, напоявляя ложбины. Разбухшие копыта выстали из них архивагоном.

— Пройдем ли? — одними губами шепнула Вилна.

Но Ванитка услышала.

— Дождем! — коротко сказал он.

Автомобиль дернулся вперед под толчком газа, только жондл от своих латок.

«Слон» грузно повернул и, расклевывая стамбульную воду, покотился вдоль опушки. С каждым метром становилось глубже.

— Так еще мотор зальешь, чего доброго, — черед стелющиеся зубы выдавая Вилника. И веру обещая, сразу одним движением выключая тормоз. Автомобиль джонгула и остановился. Передаче колеса доверку захлестнулись вбуламанченной водой.

С надеждой и тоскою оглядел он поверхность реки. И увидел: метр за четырем от берега, чуть левее остановившегося «Слона», торчала колеблемая течением жалкая и сухая ветка. Медленно заливаемая поднимающейся водой, песчаная отмель сбегала к вешке.

— Здесь! — радостно сказал Ванитка.

— Врод? — коротко спросил Вилны.

— Там увидим. Теперь уже все равно...

Минуту медленно втягивался в бурлящую воду. Шасси джонгула под толчком течения. Ванитка положил руку на тормозной рычаг, и пальцы его чуть заметно вздрагивали, готовые сжаться и рвануть.

Радиатор все ниже и ниже нависал над хлоплющей водой.

— Толкы бы не яма... — быстро, как стремительные струи, мелькая мысли рулевого. И впереди, вблизи пугаритую пену, ринулся и тотчас, схваченный тормозом, остановился.

«Яма!» — свернула в мозгу Ванитка. Сердце едва не оборвалось в эту яму, скриниуну лавины и зубы.

«Что делать?» — впервые шофер беспомощно, точно ребенок, огляделся по сторонам, и глаза его скользяли по такому далекому, такому желанному берегу. Скользящая, расте-рило и травосило.

— Где мель? Где гаубина? Отступим? Искать снова? — суматошлось в уютном мозгу. Горячие пальцы Вилны почти обожгли стиснутый на колесах кулак шофера.

Ванитка нахрипел, чтобы уловить задающийся шорок.

— До поездо... полчас! Тогда Ванитка релится.

Он встал, распахнул двери будки и вытаскивал из кармана складной нож. Потом перекинул руку зуба плаватору, подтолкнул и, чери-нув сапогом глужей воды, перебрался к пугам.

Красноярмейцы щедро и плотно прикрутили кх к мочевому кузову. Надо было вырезать кусок дерева, возможно меньше ослабая крепления груза.

«Откуда лучше? Эту, пожалуй».

Левые вплыло в пенку.

Директор беспомощно следил, как Ванитка обвивает себя концом тонкого каната, прикручивая другой к рулю. Потом шофер зажмурился и прыгнув в кипучий лед перепутывая струй. Его обожгло и славлю. Секунду человек стоял шатаясь, по гурья в клоко-танной воде, напругая все силы, чтобы не упасть. Сердце стучало, как мотор. Цепенящий холод стиснул, точно челюсть калкана. Ванитка наклонился и, ласчом вперед, равнуясь лобом кокуха мотора. Течение, сидея, приказало его к переднему колесу.

Скриниун зубом, он оттолкнулся от пружинистой резины и вынырив вперед.

На третьем шагу холмидные волны смыли его, как жидкую гиную. Но и падая, он занес ногу вперед, дно повышалось.

«Подтянуться!» — отплевываясь, хрипя и лясая палыть подумал Ванитка. — Подтянуться... надо».

Тогда-то, словно удерживая и призывая за собой, пугасом непродолжительной жизни гдето-совым рядом ровно выступало борозде, металлическое сердце. Оно гремело вызовом и силой, и созынуло, как копорный камертон, ответило ему жалкое, слабющее сердце человека. Ванитка, качаясь, почти повиснув на веревке, поднял глаза.

Стальной кокуж протягивался к нему, как горячая дружеская ладонь. «Слон», рыча, лез вперед, расшибая волны. Над неуправляемым рулем, разлетая рот от силоного крика, стоял шумеший-такти включити передачу Вилны. Он подтягивал веревку.

— ...зды! эзы!... — доносилось через гуалт мотора и течения. Ванитка положил бессильные руки на железое сострившееся крыла.

— Разом! Разом! — ревел сверху Вилны, и раскрепанная борода его жалко тряслась.

Ванитка скрежетнул зубами и прыгнул. Он распластался всей спинушей грудью на жестком крыле и вытиснулся не шеледые, вычерпанный до дна этой востедей испмюй воды. Оледеневшие ноги висели в режущей воде. Директор, надравшись, тащил шофера за воротники «Слона», гремя, уже поднимаясь на тонкий берет.

4.

Слабо наезженный ровный проселок бежал вдоль прилав, как выстрел, рельсовой колеи в чьей туманную ветреную даль. Вилны пристал с сиденья и посмотрел налево. В янлых глазах его уже не было надежды.

— Двенадцать пять... поздно, — хрипло сказал он.

— До Болотной километров двенадцать осталось... а пассажирский стоит там семь минут... Подою... — повторял он и потупился. Очередной ухаб повалил качнула рессоры. И в тот же миг откуд-то сзади пронесся протяжный голодный вой. Где-то близко, надвигаясь, зорко тжделое медное горло, зарало тревожно и настаивало: «Иду, иду, иду».

Люди в автомобиле обернулись разом.

— Пассажир! — растерянно крикнула Вилны. Он выскочил из бесконечной дали, выскочил и стремительно, как юркая шцерица, в простом беге разматывая зеленей, бесконечный хом. Над дробью, обрываясь, летела натанная, точно бросаясь струна, лопеса жирного бурого дыма. Дробный гуалт колес и глассетине матого пара нарастали, точно шум погои.

— Ванитка, милый, скорей! — почти прорыдал Вилны.

Но шофер уже знал, что делать. Он принял вызов врага.

Бенизи или пар? Дизель или Vatt?

«Слон» ринулся вперед. Стрелка манометра, джонгул, испорнула. Восемьсот копат разом толкнуло в стальды шлангах. Жидкая даль и взывала ветром, ринулась, нахвосту.

«Рубовые машины обычно не приспособлены к развитию скорости более 60 километров в час», — сказанная давно, еще в Москве, сухая фраза инженера-продовжателя вдруг снова вспоминалась Ваните.

«Шестьдесят. А поездо?»

Но он не мог обернуться. Горячее дыхание паровоза, казалося ему, уже налетает сзади, как пламенный самум.

Шестьдесят километров. Инженер не ошибся, но шестиколесный «Слон серни Б» не был обычным грузовиком.

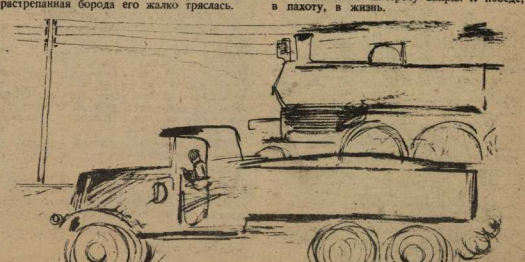
Повинуясь шоферу, он прибавил и прибавил скорость, раскалывая ветер, глотая простор. Он не чувствовал ухабов просека. Бенизиная кровь, властно пугасировала по его металлическим жилам. Он ревел торжествующе.

Грозящая обдшка паровоза слабея за спиной, Ванитка бенизиными пальцами давила на колеса. Он не дрожал больше.

Дичили и кричали, лавины резными сидузатами обрывались вперед.

Вилны что-то торжествующе кричал прямо в ветер.

А «Слон» летел навстречу вихрю. К победе, в платку, в жиню.

поединок

ИХ. ГАРИН

Пана Бенша ждал автомобиль. Высокий и узкоплечий, он уверенно спускал по трапу. Люди уступали дорогу приезжему чеху, тонкому и изящно одетому.

Чех был подчёркнуто вежлив и излагал тактично.

Пан Бенш прошел к автомобилю так, будто земля сталаась и выляла переди хвостом, как побитая собака. Он подошел к авто, померидил, увидившись, что ему не открыли двери, и, такой же не гнушившись, занес свою длинную ногу на ступеньку машины. Пана Бенша принял директор завода. Острое лицо Бенша стало круглее, у рта появились два сломанных восклицательных знака, изобразивших улыбку.

Директор знал, что такое классовая необходимость, но он не знал еще, как это переводится на язык учтивости, на язык пана Бенша, сухого и тонкого чеха.

— Нам нужен мансмановский цех. Надо приступить к работе...

Бенш покачал головой и затаился сигареткой.

— Я буду строить мансмановский цех. Я берусь его пустить только с моими людьми—специалистами. При пуске норма продукции будет очень низка.

За большую он не будет ручаться, ибо для такого производства нужны ошечь и ошечь специаль рабочего.

В начале 1930 года, за Старотрубным заводом, еще закутанный в пеленки строительных лесов, подав первые признаки жизни, новый мансмановский цех—один из немногих в Союзе.

Пану Беншу хорошо запомнили за его «заграничное образование». Он продад все это не дешево, но он не знал, а может, и не хотел знать, что этот мансман был занисан в индустриальный баланс страны, что он стал агрегатом пятилетки.

А внутри, в самом цехе, шла упорная повседневная борьба. Четверо бригадников ходили по пятам пана Бенша и его помощников. «Личитя» говорили не больше, чем были обязаны.

Два пильггерстана стояли в цеху, молчаливые и замкнутые, как их машинисты-чехи. В другом конце посадчик садил холодную сталь болванок в нагревательные печи, методически и без промаха. У нагревательных печей, сдвинув очки на нос, кантовщик стоял, как нанточнейший прибор.

Сварщик давал команду паровым свистком. К нагревательным печам подкатывалась тележка, она простирала свои узкие ладони и крепко зажимала выточенную из печи раскаленную болванку. Четыре пары глаз следили за тем, как крошчатые пальцы крана подвдвали болванку в стая, острые валики прошивали ей нутро, удлинляли—в результате чего получалась толстая гильза. Когда подкатывался кран на высоких ходулях, гильза падала на площадку крана. По крановиному рельсам катился кран к пильггерстану. На выгнутых луских пальцах он передавал еще неостывшую гильзу на протаку.

Тихо было в цеху. Чехи работали четко. Четверо бригадников зорко присматривались к их движениям.

Сухой, черной Малис, порывистый Пархоменко, зитуанств Русаков, толстяк Запорожец катились вместе с гильзой на кране, прокивали в замкнутый пильггерстан и фиксировали в памяти каждое движение чехов.

Шла упорная, молчаливая, со стиснутыми челюстями, борьба. Нужно было узнать то, о чем не сказали чехи.

А пан Бенш мило улыбался. Пан Бенш щедро рассыпал пригоршни фальшивых любезностей. Он улыбался тонко и учтиво, когда узнал, что Русаков, Малис, Пархоменко, Запорожец и много других луских ударинок завода Малича стали заниматься в технических кружках. Их было много. Но четверо из них перестали ученически спрашивать. Они пришли хозяевам цеха и сказали:

— Дорогие учителя, скажите пану Беншу, что сегодня на смену выступает Запорожец, на вторую идет Русаков, за ним Малис, потом Пархоменко... Можете не тревожиться и нти отдыхать... Как-нибудь управимся...

Машинисты удивились такой смелости. Когда японцы создавали свою мощную промышленность, они учились у «иностранных инженеров по несколько лет. Хотя чехи уже слышали об упорстве большевиков, но это им казалось бесцельным. Они стояли в стороне и спазмы злорадства сжимали им горло. Пильггерстаны хрипели и занкались,

рычали в духах сумасбродных, смелых людей пля-ти, как одержимые, операции затягивались втрое, и кривая брака росла у них на глазах.

Именно тогда пан Бенш заявил в цех прощаться.

— Вы ошсь смели,—говорил он большевикам-машинистам,—но этот машин любит ошечь и ошечь специаь мастер и рабочий. А вам еще далеко до застоящей культура и техника. Вы не дадите больше одной трубы в горячий час, а мы дасм... У нас знаете сколько? Семь с половиной тонн в горячий час, а вы будете давать, ну—наибольше—два тонны... До свидание...

— Прощайте, прощайте, пан Бенш,—ответили ему машинисты, насмешливо помахивая ему руками.

Бенш мог злорадствовать. Пильггерстаны, как завороженные, работали плохо, и по длинным катушкам ролгангов раскатывались бракованные трубы.

С чехами уехала и удача. Четыре большевика метались по цеху, они не отходили от машин, проверяли себя, свои записи, снова и снова перелистывали страницы своих наблюдений. Потом третья была обнаружена. Она таяла в составе смен. Людям нехватало знания дела. Тогда началось обработка смен. Кантовщики, сварщики, посадчики проверались машинистами, техничные подковывались. Смены стали крепче и гибче.

Пильггерстан был укреплен, но все же норма была не больше 80 труб за границы давали в два раза больше.

Тогда началось великое соревнование. Одна смена сдавала другой пост у пильггерстанов.

Пархоменко сделал 22 трубы.

Две огромные двойки наступали на Малиса. К концу смены в ушах у него стук сплошной трезвон, в глазах ходили огненные блики, но рука твердо вела пильггерстан, и люди стояли, как окаменевшие на местах.

К концу смены вторую двойку заменил тройкой.

Но Запорожец поспеялся в тот же день над обемни сменами. Он обогнал своих товарищей на пять труб.

Цех пылал.

Он превратился в арену, где происходило великое состязание четырех.

Так была сметена норма—80 труб.

И одновременно в Старотрубном прозвучало в первый раз:

— Сменно-встречный.

А в мансмане попережнему шла борьба. По лесенке соревнованя цифра болванок поднималась все выше и выше. Так рождался встречный на заводе, так смелый рождал победу.

И в самые напряженные часы, когда работа приходила к концу,

Русаков, захлебываясь от безумной радости, кричал своей смене: — Мистер Бенш пророчил одну трубу... нажем—но пять выйдет! Однажды, это было в апреле, четвертый мастер Запорожец три дня подряд по сменному дал 156-150-150 труб на двух пильггерстанах.

— Чехо-словаки дают семь с половиной тонн труб за один горячий час, догоним их.

Это была оперативная задача, вытекавшая из железной логики социалистического труда, из упорства большевиков, из классовой необходимости.

Ни Русаков, ни Малис, ни Пархоменко не складывали оружия. Они засели, как командармы, за перемост своих планов, схем своего наступления.

И 7 июня дали генеральный бой. Состязание сменных уже шло по часам. В этот день работал один пильггерстан. На смену стала бригада Русакова.

Люди стали по местам. Их пятки, как палитые свином, казались, приросли к цементному полу. Прежней робости и неуверенности нет. Вместо этого небывалая напряженность. Каждый на месте, по готов ринуться к товарищу на помощь. Такую формулу круговой поруки выработало соревнование сменных.

Раскаленные болванки выбрасываются из огненного жерла нагревательной печи. Время будто отбывает секунды. Вот подкатыла тележка накаленной брус; он прошивается и выдвигается, перебарывается на кран. Подхватив арконоговую трубу, кран летит к стану. Но что? Кран сошел с рельсов и растерянно стал на пути к пильггерстану, застопорив размеренное движение труб.

Проходит, может быть, полсекунды. Проходит ровно столько, сколько нужно, чтобы кантовщик, сварщик, посадчик — вся смена была у гильзы.

Вместе с полуторатонной гудобой болванкой кран повисает в воздухе, он раскачивается на руках. Люди не желают терять ни секунды, они переплетают груды мшии у оснований крана и доносят его на руках.

Пильгерстан получает трубу. Кран снова на рельсах.

К концу смены, когда глаза людей светлеют раскаленной сталью, когда лучшей ударики сварщик Олейников готов был сам влезть в печь, чтобы вырвать скорее болванку, на смену обрушился неожиданности.

Очередная болванка закатовалась. Она упала в шлаковую яму. Ее нужно немедленно оттуда вынуть, ибо она горит под огнем феерического мерцания нагревательных печей. Ее нужно немедленно удалить, ибо она задерживает подачу.

Почти у всех синие очки вздыбились на лоб. Сильнейшая жара обжигала ресницы, но никто этого не чувствовал. На некоторых стала дымиться одежда, но люди, всей своей навалившись на железные пальцы, воткнутые в горло нагревательной печи, выдирали закатованную болванку.

И когда болванку вырвали из пасты, сварщик прыгнул, как ребенок, и восторг ярко вспыхнул в его глазах.

— Большая дуга тебе, пан Бенш,— тихо закричал Русаков, и смена захлопала в ладоши.

Было поздно, болванка подгорела сверху и потом была списана, как брак.

7 июня мастер Русаков дал на одном пильгерстане 94 тонны труб.

Небывалый сменно-встречный. Небывалое выполнение.

7 июня мастер Русаков далеко обогнал чехов. Он дал одиннадцать с половиной тонн труб на горючий час, на четыре тонны перегнал своего учителя, мастера Бенша.

здравствуйте, пан бенш!

«Вот я, молодой журналист, познакомился с вашими пильгерстанами.

Я излагаю тот самый чех, на который некогда вы презрительно смотрели с высоты вашего высокомерия.

Будем откровенны, пан Бенш, мне вас жалко, как бывает жалко обманного тухлявого старика.

Мне вас жалко потому, что вы торгуете собой, что никакие силы не вытравят у вас капиталистической сноренности. Вы помните, как вы вошли в кабинет директора завода имени Ильича. Вы разговаривали так, как будто не вы наималысь, а вы наималыи весь завод, всех рабочих себе для услуг. Скажите правду. У кого большие твердости и целеустремленности.

Кто же все-таки чувствует себя хозяином.

Смотрите, какие у вас ученики. Нет, ученики такими не бывают. Это хозяева огромной страны. Смотрите, как они на вашем заводе, на ваших пильгерстангах бьют вас, своих учителей. Вы помните наше пророчество? Вы ошиблись, мистер Бенш. Одиннадцать с половиной тонн в горючий час дал мастер Русаков. Он догнал и обоград вас, высокомерный учитель.

Пан Бенш. Я не хочу даже скрыть от вас то, что, несмотря на такие рекорды, мансман не выполняет наш встречный план. Да, чех еще засаждает авария, рабочие еще не подкованы технически так, как это нужно, но они ухватились за главное звено — они вытянули всю цепь.

Вы знаете о том, что ваша четверка учеников уже не машинисты, они уже мастера, что мастер Пархоменко подоготовил себе хорошую смену — двух машинистов комсомолец, в чеху идет большая борьба за конкретные показатели лозунга «догнать и переплюнуть». Вы еще услышите не то, мистер Бенш. На ваших механизмах, на ваших ставках, но вашим программам, в этих же чехах вы будете биты по всем косякам.

Вы жалитесь еще потому, мистер Бенш, что и тот день, когда Русаков положил вас на обе лопатки, он передал вам большую рабочую дулю. С радостью передаю ее вам, мистер Бенш.

Простите за дерзость меня, человека, с которым вы никогда в жизни не встретитесь.

А, впрочем, кто знает...

Вы слышите, как перекатывается по вашему миру вихрь кризиса.

Мы, очевидно, встретимся с вами, мистер Бенш. Из колонн домов, владений ваших заводов, будут построены баррикады, и их накармленное спокойствие будет разбито кованым сапогом революции.

Маруполье, зав. «Ильича». Июнь — Июль 1931 г.

В ДАЛЕКОЙ ГАВАНИ

Юрий Инге

Веселое дело — таного гилья
Их смещая на рыцарю миль,
«Святого Агнесы» звалась бедня
И шла из Марселя в Киль.
Народ на дымче черномы черном,
Тревожный взлетает стон
«Святой Агнесы» пришла с зерном,
С десятками тысяч тонн.
В правительство верю не так слепа,
Роскошницам до чести,
Сегодня хлеба жидкая толпа,
Толпа озлобленных рабочих.
И бабьи — бунет нивопилсын поз
У полицейских будон.
Полицейцы знают, что дело всерьез,
Когда говорит жидудон,
Тунис оплулся виллой парной
И гилья охватывал он.
«Агнеса отдалить, сплавля зерно», —
И ступа прохрипела теледон.
Зерно в ночьгрии!
Двести волат —
И мигон исполнен привоз.
Зерно в ночьгрии!
Веселый ритон!
(Воды голод — не смерть еще).
И морщина шерхетя поглагон,
Стоглазый, подтерегающий,
И лопаты товарищам злобно свавел,
Лишь вылетел на судне поднимал.
«Ильч! знал бы и это сутни назад,
То судно б откинул в приподходящ!»
Команда ударила: «Все навар!» —
Или «чудовиська», Маккомри, в орудии
И в погоню порядон из старый манер
Равненном дышала грудь.
Вслед как угловой гилья поглагон,
И прили летели с ветром,
Мы видели вельжскую море знанен
Любимым горячим дотом.

Июль, 1931 г. Ленинград.

2 мастера

е. ирушинский

Только лишенный чувства меры станет уверить, что иностранцы являются на Доскор каждый день. Но вот в декабре 1930 года действительно пожаловал из Германии представитель одной фирмы, поставившей буровое оборудование.

В доме для приезжающих за неделю начался переполох. Безжалостная экономка освободила под иностранца кровать с никелированными шарами. Справедливо вынуждала заметить, что это был акт, противный закону. Старший житель этой кровати, техник по буровым работам, две недели провалялся на полу и имел неопознанный моральный и юридическое право на никелированные шары. Однако он безропотно переселился на специальное сооружение странного вида и очень причудливой конструкции. Экономка знавала его переделку из дивана, но Сергей уверил, что из поломанного танка и на меньшее не соглашался.

Возможно также, что по замыслу мастера не койка должна была получиться, а пиванно: дружинки отпачались редкой музыкальностью; когда Сергей ложился, раздавались огульные аккорды, и он засыпал раньше, чем они угасли. Сергей предупредил, что если эта машина развалится, он повесит ее не к слесарю, а к парторганию.

Экономка то-и-дело отвечала по телефону:

— Нету местов. Где же я вас положу—все полы заняты. Ну, и пусай инженер—у нас все такие же; а то вот один из Германии едут: государства такая еста.

С иностранцем первый познакомился Петья. Он честно отдежурил в дверях часов шесть, пока тот отсыпался: оба были одинаково упрями. Наконец, не выдержал, тронул спящего за плечо и испуганно осведомился: правда ли, что тот немен или он только представляется? Иностранец спросил забормотал на своем языке, но—так ему и поверил!—Петья захлопал в ладоши и торжествующе воскликнул: «Вруша, вруша, вруша!»

А немен, между тем, был настоящий. От него ждали проваленной аккуратности, и он вел себя так, словно приехал специально для доказательства этого свойства и словно находился в витрине.

Сергей, радуясь кое-каким познаниям в языках, набросился на иностранца с расспросами, но получил сдержанный и холодноватый ответ:

— Наша фирма занимается буровыми станками, а не политикой.

Он хотел было обидеться и хорошенько гостя отчитать, но вспомнил, что должен перенять у того производственный опыт и за общительность ему как раз нагорит в яичке. Ища применения, он даже подарил немцу баночку кофе: вы, мол, небось, без этого не можете. И, осыпанный благодарностями, так растерялся, что сбился на родной язык и соврал:

— Пейте, чего там! У меня много... На самом деле у него только и была одна баночка, которую он берет, чтобы когда-нибудь закатить пир, и задержка была только за молоком: молоко на Доскоре выдают только работающим во вредных цехах, больным и иностранцам.

Сергей выслушивал указания иностранца два раза; сначала вместе с переводчиком по-немецки, потом по-русски. Они ходили по промыслу целый день. Иностранец, немощно удивленный несумейной жадностью Сергея, отвечал на расспросы касательно техники очень вежливо и достаточно щедро. Он только помпозно напоминал, что все эти достижения принадлежат германской, а не какой-либо другой промышленности и что Советам до нее далеко.

Утром Сергею сделали замечание:

— Кажется, у нас не музыкальная консерватория, чтобы почи напролет разыгрывать буффонды. Можно бы из уважения к товарищам не возвращать без толку.

В кое-что обдумывая,—виновато признался Сергей.

Я девять часу немен пришел на промысел и наткнулся на собрание. Бурьдальщики ночной смены сидели в конторке на столах и на полу, привалив к стене.

— О чем говорит наш юный мудрец?—спросил немец и услышал от переводчика все тайны предупреждения искренности связавши, поведенные им самим накануне. О, эта безрасудная

любовь,—удивленно сказала он,—у него совсем мало разума. Мастер всегда должен знать, чего не знают рабочие, иначе он может потерять уважение и место. Кое-какие секреты.

— У нас этого не бывает,—ответил переводчик с такой гордостью, точно единственно по его заслугам в стране велись такие поряжки.

Вечером иностранец похлопал Сергея по плечу:

— О, я вас понимаю, и вы меня, надеюсь, поймете. Революция—это очень хорошо, но ею не могут заниматься деловые люди. Меня ценит фирма, я делаю успехи по службе и не хочу остаться за воротами. В своем городе я знаю толком «Ферверкс», но приезжая в Берлин, читаю коммунистическую «Роте Фане» ихожу на демонстрации.

Уже лежа в постели, он обратился с просьбой:

— Хотите, пожалуйста, не пишите об этом в ваших газетах. Фирма заинтересована только в быте станков, а не в революции.

Хорошо, мы будем называть его только по имени. Революция от этого не затянется и фирма ничего не выиграет.

Что же еще сказать о мастере Ульрихе?

Он волею по рабочим квартирам, красным уголком, по производственным и техническим совещаниям. Временами сквозь лабиринт вежливости в его речах проступало настоящее, грубокое удивление.

Однажды он попал в районный клуб и прежде всего вдоволь наудивлялся благоустроенности здания, творческим достижениям рабочего ИЗО-кружка и читальне, где над каждым столиком висели радио-наушники. Он зашел в зал и узнал, что там рабочие живут радиатора. Тут он решил конспиративно осведомленностью и попросил переводчика передать, что визитер директора, у-того очень ответственная ревизия, он сидит с ревизором день и ночь, и едва ли сумеет прийти. В ответ мастер выслушал маленький урок политграммы. Ему разъяснили, что ревизует ВКК—временная контрольная комиссия, выделенная на рабочем собрании для выяснения внутренних ресурсов предприятия. Она сегодня выступит с докладом.

Ясное дело, директор пришел и отчитался перед собранием. Потом ударили отчитали директора

— Тебе,—говорили они,—рабочий класс доверил командование и за каждую ошибку на предприятии спросит ответа.—Дальше говорилось о болах, которые,—это ли не преступление!—валялись на Ракуне со времен частных заводчиков, а на них из года в год писались заявки, о двух трубообразных системы советского инженера Касплюшикова, валяющихся на складах без применения, о бесхозяйственном пользовании лошадами с промысловой конюшни.

Под конец зашел такой разговор, что переводчику пришлось туго. Кто-то спросил об иностранце: почему он сидит на собраниях в стороне, словно в зверине и никогда не расскажет о революционной борьбе германских братьев. Председатель разъяснил, что, к сожалению, перед нами не представитель революционной части рабочего класса Германии. Мастер Ульрих—наглядный пример отравляющего влияния социал-фашизма на верхушечные слои рабочего класса. Но германский пролетариат, воодушевляемый нашими успехами, отряд отрядом уходит из плена этих профессионалов-предателей под революционные знамена комартии.

Да, это правда. Даже мастер Ульрих за три недели порядочно переменялся. Пожилая на прошлые руки, он сказал Сергею:

— Мы будем учиться у русских рабочих.—Потом ему показало, что это уже слишком для представителя частной формы, и он добавил:—но у нас высокая техника, вы тоже наши ученики.

Да, правда, мы—ученики капиталистической техники. И хорошие ученики, как это видно на примере Другого, эмбенского, мастера-буровика, Лысинского.

Подобно Ульриху, Лысинский приобрел квалификацию горбому, практикой, придя к буровому станку пятнадцатилетним юношом. Но, выбившись в мастера, он не пошел в услужение хозяевам. Едва до Эмбы достигались шесть об Октябрьском перевороте, он уже один из организаторов нелегального отряда Рабочей гвардии, член совдепа и фабзавкома, где с первых шагов решаются вопросы контроля над производством, а также сокращения рабочего дня до восьми часового. Заводчиком такая пидлоя припадле не по вкусу, они поспешили за вооруженной помощью. Направление безжакозав, бегство, годы гражданских фронтов, наступление на нефтерпромисла, победа,—нот коротко его революционный путь.

Теперь Лысинский заведует буровыми работами треста. Ни один инженер не скажет, что он плохо знает технику своего дела. О, Лысинский настолько вырос, что в 1930 году получил научную командировку в Америку и там изучал технику. Он наблюдал сборку вышек, заправку долотами, довольные работы, цементировку сква-

жин, отмечал в блокноте всякий гвоздь, забитый иначе, чем это делается у нас. Американцы говорят, что все советские таквы, и если куда они еще не стараются проникнуть, так это в скважину.

Ну, конечно, так и должно быть: мы учимся у передовых капиталистических стран. Мы отстаем от них на 50—100 лет и должны, пробегая эту дистанцию в десять лет, оставить их позади. Ученик Лыснский написал в автобиографии:

«Несмотря на плохое состояние здоровья, которое подорвано тяжелым ранением, тремя тифами и операцией явны желудка, несмотря на это я, как член ИТС, законтрактовал себя за Эмбаркментю до конца пятилетки».

Мастер Лыснский избегает расписывать впечатления. Наблюдения и выводы— вот это другое дело. Он рассказывает лишь кое-что о положении рабочих в Америке и Европе. Он видел очереди безработных за благотворительной похлебкой, толпы их перед конторами капиталистов, которые, впрочем, много и часто сбрасывают, но редко принимают на работу. Америка кризисом поражена. Он видел и коммунистические демонстрации рабочих и безработных.

— Да, верно,— часто повторяет он,— на нас смотрят во все глаза. Наши победы зовут рабочих Америки и Европы на борьбу. Ударники социалистической индустрии— фронтовики мировой революции.

Но однажды, после большой удачи, он разошелся и рассказал про шпиков, наблюдавших всяду за нашими инженерами, про то, как буржуазия боится революции и бегится от сознания неизбежности ее. К берегам Англии пароход пришел ночью, и жандармы до утра не пускали на берег пионеров, вернувшихся с этим пароходом из страны Советов. Утром двоих пионеров арестовали,

но тогда остальные заявили, что не сойдут иначе, как вместе со своими товарищами. Подошли отряды пионеров из города и тоже предъявили ультиматум: не уйдём с пристани, пока не освободите арестованных. И они-таки добились своего. Рассказал он еще про маленькую страну Польшу в больших социалфонских сапогах. Она называется республикой, но из всех свобод здесь процветает свобода грабежа, арестов и пыток. Это воинственную «республику» поезд международного сообщения проходит ночью. Поезд сопровождали brave воюводы, ушешенные оружием в таком изобилии, словно они его рекламировали. Яснослезможные паны бесстрашно расселись между советскими инженерами. Охраняя республику жандарма Пилсудского от захвата советскими специалистами, паны, похоже, воображали себя не, менее, чем Наполеонами. Они называют это охраной цивилизации от варваров-большевиков. Сатирик Саа-тыков лет пятьдесят назад написал сказку про то, как один мужик двух генералов прожорлил. Эта книжка— незаменимое пособие при изучении Польской республики.

— И вот,— говорил Лыснский,— между станциями Столбцы и Негорелое поезд останавливается на половине перегона и в вагон входит командир, со звездочкой на фуражке. Наверное, не поперите: мы все вяду сквазимся в мест и кричим «ура, ура!»— до хрипоты. Прямо как дети.— Он подумал и добавил в свое оправдание:— с нами ехали иностранные рабочие и они тоже кричали. Сначала каждый по-своему, а потом вместе с нами.

Мастер Ульрих! Научился ли вы чему-либо в стране Советов? Неужели попрежнему остаетесь «деловым человеком, то-есть попросту рабом? Или, быть может, даже и в родном городе теперь читаете «Роте-фане»?!

ПРИЗЫВНИК

з. александрова

Идет разведочный ветер с заречья,
Соснам постылыми
говорит парель...
Зеленая фуражка, высокие плечи,
Парню белокорому
двадцать второй.
Ветер отбывает ирону плаката,
красноцветный,
моран,
пилот
Идут призываться, хорошие ребята,—
в красные казурны
девятый год.
Старенькая мать
загрустит нехватаи,
Сестра-пионерка
ручонку даст
— Если война и нашей армии нехватит,
Силое рассчитывайте на нас...
На провах в ячейка
подмачет двачата:
— В форме военной
звяди-на,
помонись...
А там впереди
неонвертом впечатланным
Такая неизведанная жизнь.
И самая веселая
с пушистой чолной—
На военном пункте ротный полнотрум,
Маленький,
маленькая,
совсем двачинка,
Долго простоят,
процясня на ветру.
Разве разберешь тут—
дондаи или слезы
Выследили, вызвездлили на щечках.
Разве разберешь— шути или серьезно?
— А сколько весит винтована без штаны?

Идет разведочный ветер с Заречья,
Соснам постылыми
говорит парель...
Зеленая фуражка,
высокие плечи,
Парню белокорому
двадцать второй.

жизнь и гибель

хуана хименеца

(рассказ нартона билс. с английского)

1.

Я познакомился с ним на сахарной плантации моего приятеля Стефана Бойля, единственного американца во всей округе. Гашиенда¹ Бойля находилась на южных склонах гор в мексиканском штате Морелос. Бойль перекупила ее у какого-то мексиканского плантатора, оскорбленного тем, что правительство Кабеса под давлением растущей крестьянской революции отобрало часть его земель и распорядило ее жалкими клочками между мятезниками. Этого плантатора перенести не мог и горячая продал все подвернувшегося американцу, Бойль сразу же повысил продуктивность плантации почти вчетверо и собрался даже строить небольшой сахарный завод.

Хименец был одним из певцов² работавших на плантации Бойля. Я встретил его как-то вечером после захода солнца на берегу быстрой горной речонки, омывающей эдешние плантации. Он лежал в траве и так увлекся чтением какой-то книги, что не заметил, как я подошел к нему. Мне вдруг захотелось узнать, какие книги читают пеоны Бойля. Подойдя к нему на цыпочках и заглянув через плечо я не мог сдержать вогласа изумления.

Он читал Шелли³...

Услышав меня, он вздрогнул и сейчас же вскочил, прижимая книгу к груди.

— Что вам угодно?—спросил он меня довольно чисто по-английски. Невольно я залюбовался им. Это был юноша лет семнадцати, почти мальчик. Смуглое тонкое лицо цвета темной подпорованной бронзы, с жесткими колчами черных кудрей на висках, с глазами, в которых еще не остыло восхищение ажурной поэзией Шелли, делало его самого похожим на поэта, застигнутого в тайный миг его творчества.

— Простите меня,—сказал я,—я полюбозитствовал, что вы читаете, и удивился, увидев Шелли.

Он улыбнулся.

— Я люблю Шелли больше Байрона,—сказал он,—он проще и искреннее. И он человечнее. Не правда ли?

Я не знал, что ответить. Мне хотелось спросить его, откуда он, смуглый чернорабочий Бойля, выросший, вероятно, среди неграмотных полудиках крестьян, потомок порабощенных испанцами индейцев—его индейское происхождение обнаружилось слишком явно,—знает имена властителей дум английской литературы XIX столетия, читает и понимает их. Это было невероятно, невозможно.

В этот момент чей-то звонкий голос раздался вдали:

— Хуанито! Хуанито!

Он встрепенулся.

— Сейчас, Чита!—крикнул он по-испански девушке в красном платье, издали махавшей ему рукой.—Иду!

И, обернувшись ко мне, добавил:

— Простите, меня зовут.

В тот же вечер я спросил о нем Бойля.

— О, да этот Хименец,—засмеялся он,—наше местное чудо. Мальчишке семнадцать лет. Выучился читать и писать по-испански и по-английски почти самоучкой. И уже успел перенять почти всю мою библиотеку.

Удивление мое росло. Я должен был непременно увидеться еще с Хименецом.

— Он живет в деревушке милях в трех от гашиенды,—сказал Бойль,—отца у него, кажется, убили во время восстания. Сейчас мальчик живет с матерью и сестрой. Ужасная нищета. И прямо удивительно, как мог вырасти здесь такой юноша. Конечно, я помогаю им, как могу...

Нет, я должен был обязательно увидеться с Хименецом.

Дня через два я пошел в Закапу, деревушку, где жил он. Я без труда нашел его домик. Это была грязноватая глинобитная хижина, окруженная плетнем. У калитки росли огромные кактусы. Хименеца я нашел сидящим на каменной скамейке у входа. Он старательно строга какую-то палочку.

— Мне очень хотелось увидеться с вами еще раз,—сказал я ему,—мне говоря о вас Бойль.

Глаза его блеснули.

— Мистер Бойль неплохой человек,—сказал он,—он позволяет мне пользоваться своей библиотекой.

Он застенчиво указал мне место рядом с собой, и мы заговорили. Он начал читать уже давно. Раньше книги доставал ему отец, находивший их в пещерах, которые оставались поустыми. Потом появились Бойль, обротивший, как я, внимание на редкую культуристость этого крестьянского мальчика. Хименец читал запоем все, что ни попадалось ему под руку. Он буквально грезил книгами.

Но он грезил и еще кое-чем, что совсем не поправилось бы пресезанному гуманисту Бойлю. Бойль был гуманным плантатором. Он платил своим пеонам лучше всех в округе и обращался с ними, как с людьми, а не как с мулами, как привыкли смотреть на них окружающие помещики. Бойль даже помогал семье Хименеца и давал ему читать свои книги. И все-таки Бойль был плантатором. Он бы не задумывался понизить плату рабочим (как это он и сделал впоследствии), если бы того требовали его интересы. Он бы выкинул Хименеца, как и всякого другого пеона, если бы те не выполняли положенной им нормы. Поэтому Бойль едва ли поправился бы мечты Хименеца.

Хименец мечтал о свободной земле, о полном отчуждении всех помещичьих земель и распределении их между крестьянами. Он был истым сыном своего мятежника-отца, расстрелянного в 1922 году вместе с Эмилио Запата⁴.

— Вы слышали о Запата?—спросил он меня однажды.

Я утвердительно кивнул головой.

— Вы знаете, мой отец был другом Запата все эти годы. Они никогда не расставались. И вместе были расстреляны.

Зрания его встпухнуло, как две звезды, в синие глаза.

— Никогда бы правительству не удалось захватить их,—сказал он с горничностью,—за Эмилиою шли тысячи крестьян. В его отряде никогда не было предателей. В газетах, какие доставал мне отец, его называли бандитом, разбойником с большой дороги, но никогда, помните ли, никогда он не взял для себя ни гроша из тех сумм, какие доставались ему после самых удачных его побед. Все деньги он раздавал крестьянам в уплату за те разрушенные хижины, за те выжженные и распотантные поля, за все то, что приносил с собой карательные экспедиции.

Отец, как и Запата, поверил предательскому письму полковника Фунтеса, вызывавшего его якобы для мирных переговоров. В тот же вечер, когда они спустились с гор, их расстреляли. Вон там...

¹ Эмилио Запата—вождь крестьянского революционного движения в штате Морелос. Захватил требовал захвата и расстреливал всех помещичьих земель между крестьянами. Запата дружил, боролся против правительства, и в течение 10 лет (1910—1920) и был захвачен только благодаря предательству.

² Уэдди, поэтесса.

³ Байрон.

⁴ Шелли—знаменитый английский поэт XIX века, современник Байрона.

рис. авдальни

И Хименец указал мне на лесистые склоны гор, поднимающихся уступами в десяти-пятнадцать миль на востоке от деревушки. Последние снопы солнечных искр бежали по склонам, обжигая седые леса на вершинах.

— После убийства Запаты, — сказал Хименец, — правительство объявило крестьянам, что помещичьи земли будут распределены между ними. И действительно, — добавил он с горечью, — крестьянам дали по несколько акров негодной земли, которую нельзя даже обработать. А у нас, как у родственников мятлика, отняли даже то, что мы имели. Пришлось идти в батраки к помещику, у которого земля была больше, чем у всех крестьян штата...

Тут я понял, что никакими книжками, никакими подаячниками не купит Бойль привязанности Хименца. Зато мы с ним стали друзьями. Я рассказал ему как-то о том, что представлял собой мир за пределами его штата, за пределами его страны. И мне поправки в его представление об этом мире, заимствованные из книг Бойля. Я познакомил его с марксовской теорией классовой борьбы...

И, уезжая отсюда, я оставил в Закапу преданного друга и подрастющего революционного бойца.

2.

Мы начали переписываться. Я любил его письма, полные горячей, несдержанной страсти молодого революционного мечтателя. Но Хименец не был только мечтателем. Он хотел быть бойцом. Он просил советов, книг, газет. Я посылал ему книги Ленина и Маркса, посылал журналы и газеты. Для безопасности Хименца я посылал все это на имя Бойля, посылка на имя которого, конечно, не могли возбудить подозрений. Бойль же, не интересуясь их содержанием, передавал все Хименцу. А потом вдруг через год я получил неожиданное письмо от самого Бойля.

Ледяным тоном писал он, что Хименец организовал забастовку пеонев на его плантациях. В этом виноваты были по его мнению те книги, какие я посылал мальчику. Бойль, в конце концов, вскрыл одну из посылок и ужаснулся. Забастовка же, как я понял, была вызвана понижением заработной платы, и Хименец организовал ее и руководил ею со всем пылом революционера и бойца. К ставке присоединились пеоны с других плантаций, и Бойлю пришлось вызывать войска. В конце он писал, что очень благодарен мне за результаты моего пребывания у него в гостях, и просил прекратить переписку через его посредство, так как Хименца на плантациях уже не было. Прошло довольно много времени, когда я снова получил письмо от Хименца. Он жил уже в другом месте, в городе Нарачо, в штате Мичоакан. Городок, по его словам, был маленький, с «воздухкрестьянским, полуаборигенным населением. В городе было два сахарных завода и один винокурень. На одном из этих заводов и работал Хуан Хименец.

Писал он теперь редко и порой всего по несколько строчек. Книг он больше не просил. Повидимому, он боялся возбудить подозрение. Только случайно намеками говорил о том, что он продолжает свою работу и что работа эта протекает в обстановке серьезной и опасной. Потом он вовсе прекратил писать. На два мои письма я не получил ответа. Что-то случилось с ним, но что, я не знал. И когда я вспомнил его бронзовое лицо тогда, мне становилось грустно и больно.

3.

Через год мне пришлось побывать в Темпико¹. Оттуда я решил проехать в Нарачо и разыскать Хименца. Мне не терпелось поведать его.

Парачо оказался типичным мексиканским провинциальным городом, напоминающим скорее большую деревню. Узкие, залитые солнцем улочки, низенькие глинобитные домики, выращенные в голубой цвет, широкая «плаца»², обсаженная по краям явнами, низенькие камешные скамейки у качков, где сидел целый день, не обращая внимания на адское солнце, индейцы в белых штанах и лениво бречаши на гитарах.

На главной «плаце» подымалась гряда камней разнесенной по кускам католической церкви во время восстания в 1928 году. Католические лопы бежали в столицу и писали об этом римскому папе. После этого восстание подавили, но церковь так и не была восстановлена.

От «плацы» шла узкая улочка к окраине, где были расположены сахарные заводы. На одном из них работал Хименец. Страшная нищета, обнаженная, неприкрытая, лежала под солнцем. Оборванные ребята, худые, как спички, играли в придорожной пыли. Изможденные худые женщины сидели на порогах домов. Глаза их горели голодным блеском. Кризис ударил эту аграрную страну со всей

силой. Ее экспорт не находил сбыта. На плантациях, на заводах, всюду была жестокая безработица. Все это я знал и раньше. А теперь я видел это. И зрелище человеческой нищеты и горя в безнадежной жаре тропиков было более, чем ужасно. Оно было чудовищно.

У низенького забора, окружающего заводскую территорию, я встретил смуглолицего молодого рабочего с глубоким шрамом на лице. Стокнувшись со мной, он остановился и пристально посмотрел на меня. Что-то подсказало мне, что я могу спросить у него о Хименце.

— Тсс... Нельзя громко спрашивать о Хуанито, — сказал он, беспечно оглядываясь, — приходите вечером к мосту у железной дороги, и я вам расскажу о нем. Я знаю все. Вы его друг. Я видел у него вашу карточку.

— Он жив? — спросил я поспешно.

— Нет, — глухо ответил он и отвернулся.

Сердце мне болезненно сжалось, и мне показалось за миг, что я вижу знакомое бронзовое лицо с жесткими колечками кудрей на висках.

— Хименец, — пршептал я, — Хименец...

— Он умер героем, — сказал юноша, — так приходите же! После захода солнца. Слышите...

Вечером на закате мой новый знакомый, рабочий сахарного завода Педро Мела, провел меня на небольшой пустырь за железнодорожной линией у старой стены, разрушенной еще во время крестьянского мятежа в 1910 году. Здесь на вытоптанной, пыльной земле у самой стены лежал большой камень. На нем чей-то заботливой рукой были высечены две начальные буквы знакомого имени — Хуан Хименец. Клочок зеленой травы пробивался из-под камня. Рядом роста пара пыльных колючих кактусов. И все... Все, что осталось от Хименца.

Его могилы.

Здесь смуглолицый юноша со шрамом, пересекающим его лицо от щеки до глаза, рассказал мне историю последних дней жизни и гибели Хуана Хименца.

На заводе Хименец сразу нашел друзей и единомышленников. Его кипучая энергия, его высокая культурность и огромный революционный темперамент сразу поставили его, несмотря на его молодость — ему было лишь 19 лет, — во главе всей массы рабочих. Он уже был связан с революционными организациями центра и повел руководство умело и энергично. Это были дни, когда я получал от него короткие письма в несколько строк, дни организации, подпольных собраний, горячих бесед. Хименцу было не до меня. Потом начался кризис. Производством обоих заводов сократилось вдвое. Половина рабочих была выброшена на улицу, заработная плата урезана. Тогда оба завода забастовали, и во главе стачки встал Хименец. Это была

См. «Крестьянство» стр. 181

Рис. Авьялини

¹ Темпико — один из крупных портов в Мексике в Атлантическом океане.

² Плаза.

на повестке дня...

сергей новиков

Двадцатого августа с пяти часов утра на главной базе сосредоточились все тракторы, готовые к выходу на поля.

Всю ночь подыезжали со всех участков тракторные поезда с рабочими.

На широкой улице гарнизона, как на параде, выстроились автокраны, катюши, кузнеческие фордозы, испуганная поутру барабанным треском своих моторов домашнюю плиту.

Тревожно-торопливая суতোлка была во всем; и в освещенных лампой обшежитии совхоза, и в равноосном галле рабочих, прибывших с участков во снах.

В роцях раскричались гапки, разбуженные людским говном и трескучей болатной тракторной.

К ремонтным мастерским бежали и ехали на лосядах, на тракторах рабочие.

Луна таяла в небе на глазах. Угасали предутренние звезды. Легкий заморозок сковал траву, которая хрустела под ногами...

— Первый день будет хорош... на ять... охрипши со сна голосом ронял техинеский директор Милославский; огромный с обросшим, небритым, очень красивым лицом, на котором блеснула испла веселые глаза, ни смотрел на восток, запрокинув кверху голову, и, как бы говоря с собой, задумчиво недла связью зубы:

— Не поделю бы товарищ солнце, а?.. Не поделю бы... Ух, небо так горит!

— Поджарный, поджарный ог, ствердца, — восхитенно гудел приземистый румяный Василий Несторович, агроном-любовод, почтенный старик с лицом, идиоматианым героев Дюма.

— Чего поджаривать? — буркнул Милославский недоумовающе.

— Небо поджаривает... Оно румянится восток... Будто оокорек... Сильнее восток... Девочки, как на грибови, заерали, в предутренней тишине. Небо созревало на горизонте.

— Братцы Солнышко!.. Погода сегодня на большой пазел! — привалил восток из ромаший дегтя, тракторист с участка «Васильки».

— В первый день, можно сказать, выходим с солнышком вместе... Это хороше... — естеленно сказала тракторист Еврафова, удивик, чиньский, бойкий, чернявый мужик, сощурив свои глаза от удовольствия.

И точно: из-за стволов деревьев брызнуло солнце.

Первые лучи заиграли банками на вероках жесточеских листьев осинника, затем, скользя по крышам обшежитий и мастерских, присоединились к общему собранью совхозских рабочих.

Товарищи! — крикнул, выбравшись на гору выкорсачивших иней, неизвестно откуда появившийся директор совхоза Кузнецов. — Ми собрался сегодня здесь завтра, чтобы в последний раз распределить свои обязанности в бывае дни уборки. На повестке дня...

— Он замолчал, испытующе оглядывая сотни рабочих, сжимающих его. Вот они! Еще недавно полуграматные, забитые ботрами, дошедшие до впадения в глаза трактора, теперь уверенно держат в руках руль.

Самые смелые из них пришли в совхоз изменить свою жизнь, и сами изменились.

— На повестке дня, — повторил директор, — подсчет реальных сил, готовых к отправке на уборочный фронт. Сегодня вы идете на поля везать за каждую тонну вытеревленного дына. На трудовом фронте тоже война, жестокая, упорная. Лучшее оружие против классического врага — это ударичество... Будем всемерно проводить в жизнь на всех участках методы соросоренования.

Кузнечик кончил и быстро сощел счастлив иней. — Вот это являку Кузнецов, крепко! Можно сказать, в цель прямо...

— Работа это, значит, — война, — гадали рабочие.

— Раз такое положение... ежели погода не подойдет, постараемся... Уберем еля — просто крикнут с места тракторист Шенников, хмури свои белесые брови.

Сдержанное ворчане моторов (ежеко держало в напряжении голову рабочих). Вот отделился Сабуров со своей бригадой.

— Слушайте!

На минуту водворилось молчание. Все подняли голову, устремив взгляды на корсажечного, смуглатого кресты Сабурова. Он стоял, твердо вадив с силой подковы сапог в песок, сощурив светлые свои глаза и пряча руки в карманы просторной бузды.

— Ребята, — тутую повторил он. — В моей бригаде ребята трактористы только-что окончили курсы, но несмотря на это я свою бригаду объявляю ударной. Перед тем, как выйти в поле, я заверяю вас, что мы по всем пунктам принимаем в договоре методы соросоренования. С первого дня поведем борьбу с простоями, с поломкой машин. Своей ударной работой вытравим равенство, разгидальность в работе.

Сабуров замолчал.

Вызов Сабурова всколыхнул рабочих, девять ударных машинных бригад организоваались на лыньных полях.

— Принимаю во внимание политическое значение уборки урожая, я отказываюсь от выходных дней, — заявил старик Чепалов Василий Несторович, взволнованно размахивая руками. — Я отказываюсь, раз пробудь страна. И выказую всех товарищей последовать моему примеру...

В это солнечное утро в разные стороны двинулись тракторные поезда. По дорогам ехали Паршицев, через Заорочье и Васильки, Сабуровы.

В это утро на поля ушли женщины, дети и вся администрация, за исключением одного бухгалтеря.

Точно выехали главная база. Только в большом деревенном белом доме на фабрике-купе жила жизнь.

Гиганты-чаны бурлили. В алюминивеных чанах шумно пеннись, варено. Горы зерна и крупы сыпались в эти чаны. Десетки людей в дыму и копоти огромными ножами раздирали мясную тушу на части. Окровавленные засученные руки действовали с изумительной быстротой.

А на кухне общественной столовой сбивались с ног десетки людей, без конца захватывая в раскаленные печи хворост, дрова, дивяги огромных чугунами, сковородками.

Сильный чад окулавал желвакощие фигуры людей в белых хаалгах.

Каждую минуту значный колос заведующего столовой Михайлова отдавался в дрожащей посуде.

Ребята, по что бы то ни стало, а к одиннадцатому часу обд должен быть горю. Горчая пища на поле воеврем — это вопрос первой важности. Рабочий без горичей пиши, как трактор без горичево. Общественное питание на фронте с чество выполняло свой долг. К двенадцати часам на полях появились совхозовские лошади, везущие кадушки с варевом.

В народе говорят — бабье лето. Два установившиеся крепкие, знойные редкие дни. Печь солдеса зрела люди, наивались кровью помидоры, дымно загорали огурцы. А на стене главной котельи лышовоза ветер ласкал черную деревянную доску, на которой старательно было выведено:

Позор прогульщикам! В почтенные прогульщики занести: Паршучикину Александру, трактористку, за слабое внимание к делу трактора Урсину и Елену Корнушову. И еще жирным мелом на черной доске:

Тракториста Масотина за дезертирство с уборочного фронта. И Даврова — за разгидальство.

Весь день доска не привлакала к себе ни одного человека. Безмолвно и безлюдно била на балк, и поворная доска мрачно со стены глядела написанными именован на унцу.

Люди были на участках, на лыньных полях, за тербованием дына. Одиннадцатый бригад работали на полях. Машин и людей работай круглые сутки, в три смены, отказавшись от выходных дней. А к вечеру, когда одна смена сменяла другую, у черной доски собралась толпа, возбужденная, криклявая, в том числе прибикала к доске и Паршучикина Александара.

Она молча протянулась вперед и окаменела около доски.

Кто-то ее потагокнул, где-то рядом раздались насмешливые возгласы.

— Ай да Паршучикина! Особое предпочтенице! В почтенные угодила, ого-го! — Паршучикина растерялась. А со всех сторон надвигались на нее смеющиеся лица. Ребят-трактористы беззащитно скалили зубы.

— Припечатали, значя! Для известности. Теперь тебе, Шурачка, еще орден рогожанико знамена.

Она стояла припечатавшая и в это же время разгневанная. Все у нее в груди влокало, но она не могла двинуться с места, словно прикованная, внившись глазами в свою фамилию на черной доске.

— Стядно, Паршучикина, — тихо, но выразительно заявил робко, прозвонев старик Василий Несторович, и от этого украинского старческого упрека совсем не по себе стало Паршучикину.

Она нервно и деланно попоробовала отшутытаться, но не получила... Спорая от неволности, Шура Паршучикина запальчиво поведала плечам и чулки, почему-то надтреснутым, голосом проговорила снова зубы:

— Подумаешь, оица испугали... ну и чусты! И пошла. Перед ней распустились молна, двая ей дорогу, и она, чухающаяся за собой пристальные взгляды, горела желанием скрыться от этих взглядов. Она не шла, а бежала, и уже издали доносился четкий рывок фотоспидь.

— Вот финтифлюшки! Ей что? Хоть в глаза плюй!

Дома уже знали о ее позоре. Отец Шуры, старая ухаря, удариле, насупив брови, ни разу не взглянул на нее, точно ее и не было дома. Мать стурово и скупо за обедом бросила два слова.

— Отца, дажи! Поглядя на него.

«И него вельдись», — досадно думала Шура, но вместе с этим родилось ощущение шемичей тоски.

АМ.

Все рассказала бы Сережке, без утайки, укажору своему. Но Сережка прошел мимо окна и не один, а с девчатами, и даже не заглянул к ней в окно. Все это заметила Шура, заметила она еще надменную, вызывающую руку Сережки, точно он знает про нее что-то очень нехорошее.

— Не честно, уныло думала она, провожая глазами уходящего Сергея с девчатами.

На следующий день Паршучихина вышла на участок. Трактористы встретили ее молча, несколько праждебис. Но через минуту ее взглядами подошла она к машине.

— Здорово, ребята! — сказала она несмело. В ответ ей никто не сказал ни слова приветствия. Она упрямо поджала губы и углубилась в свою работу, но через минуту ее окутало раздражение.

— Да наплевать на вас!

Она обернулась назад и зло крикнула ведущему парню, сидевшему на льнотереблке.

— Чего глаза лупишь? Не видишь, машину задевает.

Паренек, трянух курчавой шапкой волею, строго устылся на Паршучихину, неожиданно забасил:

— А ты, небось, отдохнуть хочешь? Сажай, да ватись на лужайку. Лужайка мягкая-фай! Малость засидишь.

— Спля! — досадливо отвернулась Паршучихина.

За спиной, точно сговорившись, заржали ребята.

— Жеребица! — не утерпела Паршучихина и сразу почувствовала какую-то стеснительную гудящую недолговую, тягостно стало Паршучихиной. Чтобы столкнуть эту тягостность, она пробовала петь лесни, но голос фальшивил глухими, сплывшими нотками.

В обиднейший перерыв Паршучихина взяла обед и не располагаясь на брезенте, как и все, а отошла в сторону, почему-то стесняясь людей.

На брезенте было весело. Ребята-трактористы придумали игру, весело заключалась в том, что придумывали головоломки. Девчата, собравшись в кружок, что-то вышывали.

Было бы легче, если бы кто-нибудь вдруг заметил ее одиночество, если бы кто-нибудь сказал:

— Глядите, Паршучихина отбился от нас. Брось, Паршучихина, дуться, присоединяйся к нам.

Но никто и ничего ей не говорил. Все видел, что она обедает в стороне от всех, и это так, как будто бы и нужно было. Она видела, как равнодушно, холодно поглядывали на нее товарищи и как изредка косили на нее глаза трактористы-ударики.

— Ишь, срам какой, подумаешь, — подавлено шептала Паршучихина.

— Если бы я преступление какое сделала а то...

АМ.

Она с завистью смотрела на веселую компанию обедыщих женщин и мужчин. И оттого, что около шумели, звонко смеялись ее знакомые товарищи и товарищи, еще тяжелее и сумрачнее стало на душе у Шуры Паршучихиной.

— Как же это так? — уронила она про себя, смутно чувствуя, как запыло у нее сердце. Во время работы, когда трактора шли гуськом, выдирая льнотеребильками лен, впервые остановилась машина. Лопнула цепь у льнотеребильки на первой машине.

— Помогите снять цепь, — крикнула коротко тракторист Иванов.

Паршучихина первая, точно ее обожгло, выпрыгнула с трактора и помчалась к Иванову. Она, запыхавшись, подбежала первая к машине и, вспыхнув, обрывисто уронила:

— Где помочь?. Цепь лопнула?

Парень удивленно посмотрел на Паршучихину, потом решительно поднялся и, легко отстранив ее, коротко отрубил:

— Ты иди, не надо, без тебя справимся. Только огулашная, отскокни Паршучихина, пылая обидой и негодованием, и тотчас же повору побреала к своему мотору.

Она прислонилась у теплого радиатора своего фордоза передохнуть, так дрожали у нее

ноги и билось сердце от нахлынувшей обиды. А на утро следующего дня чуть свет пришла на участок Паршучихина и сразу принялась за работу.

В этот день, без усталости, не покладая рук, Паршучихина показала, как надо работать, далеко опередив своих товарищей. Машина стает — Паршучихина беретса руками тереть и растилать лен.

Первым подошел к ней к концу дни бригадир Сабуров. Подошел, не зная что сказать, потом решительно протянул ей руку и виновато буркнул, сконфуженно улыбаясь:

— А ведь здорово, Паршучихина, хлестко ты доказала. Ты это извини, мы так это, значит, поставили. Нужико было.

Паршучихина, как в тот раз, когда отказалась от ее помощи, зарделась, взволнованные пятна выступили на ее лице. Она смущенно закашлялась и, не зная куда девать свои глаза, пробормотала:

— Да я еще не устала. Я еще могу.

Подошел и Василий Несторович.

— Молодец Паршучихина, вполне оправдала себя!

Метнулась Паршучихина — кругом улыбающихся лица. Василий Несторович смотрит на нее во все глаза:

— Полно вам, чай, посмеетесь после, а сейчас не время, — чуть слышно говорила Паршучихина, радостно улыбаясь и чувствуя, что отдала у нее на сердце накопившееся за эти дни тяжелое чувство.

В этот день она преуспела норму на 200 процентов и достигла рекордной производительности труда.

Восьмьсот сивов в один рабочий день вытеребила и связала Паршучихина. А спустя две недели заняла почетное место на красной доске.

АМ.

ПАПА РАЙМХЕ и его дочь Эльза

рисунки а. шульц

Околопи сторожит огромная старая, позаураженная, вся почерневшая от влажного морского ветра, мельница... Сейчас же за оклицей вытнулася широкая улуна.

И шагает задучио почтенный старик Раймхе по ровной, большой колхозной улке. Раймхе входил в новую жизнь боком, как в узкую дверь, все время оглядываясь назад. Он — расчетливый, хозяйственный немец-средняк. Он каждый шаг подкреплял меркой и цифрой. На производственных совещаниях колхоза он первое время сидел настороженно, как старик ученый на научных дискуссиях, но когда однажды он выступил по вопросу о виноградниках, все поняли, что Раймхе вошел в новую жизнь бесповоротно. В жизни Раймхе не было бессонных ночей, но перед тем, как войти в колхоз, в доме старика три ночи до утра не угасал огонь. Это он взвешивал с соседом Миллером «за» и «против»

РАБОЧИЙ ПЛАН

Решив «за», ожажденный, или, как сосед по-улунаго, «омоложенный», он выдвинул долуэн «женщину к машине» и первый послал свою Эльзу на тракторные курсы. Старик Стар-Мойнака, немецкий кулацкий консерватизм, мобилизовав против Эльзы все так называемое общественное мнение...

— Развратник! Будешь в ватных шапках по седу гулять, ищаеде ади! Подусти перестали с Эльзой разговаривать, двери соседки закрывались перед носом; а кулацкие сынки при встрече здыкивали камнями и салютистами.

Было тяжело Эльзе. Первым всегда тяжело. В минуты улуны чуть не слезла, ало принисл на помощь старик-отец.

— Слушай меня и Дусю (секретаря комсомольской ячейки), — сказал он, хлопая на них, уишь еще горячие!

Не даром Раймхе возглавляет поход за овладение техникой. Он и кузнец Шиндт читаю молодежи лекции по вопросам техники. Он горд и по-особому молод в эти часы, а жена его после этих бедностей встречается:

— Геноссе профессор, была ли сегодня внимательна ваша аудитория?

Раймхе торжественно обставил первый выход на работу после нескольких испытаний жо-

бретенного кузнецом Шиндтом и Августом виноградного пужака. Это уже достижение не только колхозной работы, но и колхозной мысли, колхозного творчества. Он требовал, чтобы чуть ли не весь комсомол и пионеры района присутствовали на этом торжестве.

— Колхоз омолодил стариков, — шутят в Отар-Майнаком сельсовете.

Старая кулацкая мельница может сколько ей угодно гродиться обломками крыльями. Она никого не страшит, никому не нужна, ее просто не замечают. В конце широкой улуны «Морген рот» есть прекрасная паровая колхозная мельница.

молодежь поле

Деревянная метель в татарской деревушке Майнайт стоит накренившись набок, как малельный заповедничек старины. Когда-то мула свая в молотиле, облоды своей священной круги на позышении. Теперь там один вороной гнезда, и, когда мимо метели на гусеничных лапах прохидит трактор, метель सदорогает.

Майнайт заика по-новому. Сейчас у него есть 56 джас-дирок, машинно-тракторная база и 123 трактористов, трактористок, механиков, из которых каждому не более 20 лет, а всей станции от роду пятьдесят дней, и вся жизнь здесь — молодое поле.

Когда-то мула свая в молотиле, облоды своей священной круги на позышении. Теперь там один вороной гнезда, и, когда мимо метели на гусеничных лапах прохидит трактор, метель सदорогает.

— 18 часов бесперывной работы. — Первополевые нормы на 75 процентов. — Несмотря на туман и холод, бригада вспахала ночью 18 га.

— Экономика топлива на 25 процентов.

Новый мир выработал новые показатели молодости. Комсомолец Шапошников поучает первую партию.

А Фатима доверст свою судьбу только лучше ударнику, у него, наверное, сердце всех лучше.

И когда вечером Шапошников идет провозить Фатиму и Дюсю, товарищи шутят:

— Смотри, не забудись, Шапошников! По дороге в Джелал еще много целины, которая по плану этой весны еще вахоте не подлежит.

бабушка-ударница

— Бабушка, не надо спешить, побалакаем... Не вздумайте так разговаривать с Гавриловной, она вам не ответит, сурово отвернется.

Бабушка не отстанет от кустового земца. Она включена в ударную бригаду молодежи.

В первый день пахли оди из перых Гавриловна вышла в степь, перевозямином норму вадое по очистке поля от сушняков. Одну норму за себя, а другую наперкор боту, которым ее морчили несколько десятков лет. За ударную работу ее премиявали платком. Она не носит этот платок. Она его нацепила на сушняк и возглавляет ми бригаду, как заводчица.

Теперь ударнице Гавриловне поручено наладить, постоянное общественное питание.

Голова колхоза и устный председатель производственного совета любят Гавриловну, четко диктующей свои предложения.

— А она, пожалуй, могла бы и головой быть и с такой же четкостью организацию труда наладить, — шепчет мне председатель.

А секретарь комсомольской ячейки частенько заворачивает к Гавриловне за советом по сложным ячейковым делам.

Назавтра, после окончания сева, Гавриловна уже требует немедля переключиться на уборку.

Молодой практикант-агроному она дает установку при составлении рабочего плана по уборке. Главное, чтобы ни одно зернышко не потерял.

— Хорошо, бабушка, на нашем языке это называется «борьба с потерями». И на этом мы обязательно заострим внимание.

— То-то морочка у тебя острая, — ласково замечает бабушка. — Так смотри не забудь! Гавриловна благовоит, иди агроному, у нее внука на рабфаке и обязательно тоже будет агрономом...

седой комсомолец

Когда будуче века будут творить легенды о наших днях, то о комсоке № 4 расскажут следующие:

Была широкая степь, безлозная и жесткая, солончаком, как каймой, она была окружена и жили в этой степи ветер и безмолвие.

В один солнечный день по степи каталась машина и шла она как бы по линии солнца — лучей и стоял в этой машине с расстегнутым воротом человек; звали его Василий Черный, комсомолец.

Он оглянулся кругом, поднял руку и сказал: «Здесь начинаем. Потом врину люди, много людей с инструментами, с гессенскими палатками, с дымчидыми тракторами, с картами, планами. Потом эти люди, ударники, построили зерновую фабрику и схали к ним голыцы со всего мира учиться, как жить по-новому.

Если б Василий писал дневник совхоза № 4, то с первой строчки это была бы дневник нового мира.

Теперь Василий — седой директор совхоза. В борьбе с упрямой природой и со старым миром он поседел. Но свое комсомольскую ячейку этот «седой директор» не оставляет.

Регулярно раз в неделю собирается молодежь на урок истории. Василий разобрал цикл беле «История нашего совхоза». Подытожиаются опыт, ошибки, достижения, делаются выводы.

Жаль, что все стенографистки сосредоточены в крупных центрах, не мешало бы эти беле сохранить. Это была бы одна из интереснейших книг, глава будущих энциклопедий, материял для певцов и легенд.

А рядом с Василием — Мария, совсем недавно безграмотная батрачка, артебальная ударница. Здесь же, в совхозе, она научилась грамоте, кончила тракторные курсы, потом шифровские, теперь готовится в вуз и скоро ее будут называть «товарищ инженер-механикатор».

Так создается канва для будущих легенд. Но в эту канву влетают чужие иици — враги становятся тоже частью легенды. Зорко надо следить за тем, чтобы враг не мешал ни в настоящем, ни в будущем.

За многомиллионный комсомол

В Ленинграде уже не мало окомсомлененных гигантов: «Красный путловец», завод им. Сталина, «Красный выжлец», «Электрик», завод им. Марти, «Большевик», завод им. Молотова, «Электроробор»...

Восьмью, к примеру, один завод «Красный путловец» (Ленинград). Комсомольская организация «Красного путловца» насчитывает сейчас в своих рядах 9211 человек, что составляет 97,5 процента всей работающей заводу молодежи. Таким образом «Красный путловец» в основном окомсомлен.

Этих результатов завод добился благодаря проведению единственно правильной линии Центрального комитета комсомола в вопросе роста, т. е. массовой работой и индивидуальным отбором вновь принимаемых в комсомол, в борьбе с оппортунистической ставкой на самотек в вопросах роста организации. За один только июль месяц краснопутловская комсомолька приняла в свою организацию 1042 молодых рабочих, которые, все как один, оказались быть достойными носителями звания ленинских комсомольцев. Комсомольцев-новичков немедленно вовлекают в политиче-

скую работу, в кружки, во все мероприятия. В этом отношении большую пользу сыграла МЮДская путевка. Давая ряд конкретных поручений каждому комсомольцу, в том числе и новичкам, организуя проверку исполнения завода, мы добиваемся того, что каждый комсомолец становится в ряды активных бойцов за профинансирование.

Комсомол «Красного путловца», поставивший себе целью добиться получения звания шанхайского комсомола в борьбе за выполнение и перевыполнение программы завода, поставил эту задачу перед собой.

В успешной борьбе за многомиллионный комсомол добьется победы на производственном фронте.

Комитет ВЛКСМ зав. «Красный путловец»

Инициатива высокого давления

На заводе им. Сталина рождается в производственных боях первая тепловая турбина, первая не только в Союзе, но и первая в Европе, мощностью в 12 000 квт. Тепловая турбина — это последнее слово турбостроения. Над тепловизионной турбиной шефствует комсомольская организация завода им. Сталина. Комсомольцы делают эту турбину, они будут и собирать ее.

В турбинном цехе, недалеко от стада, стоят турбины высокого и низкого давления. Это советские роторы, которыми мы можем и должны гордиться.

Вплоть до нынешнего года роторы для турбин ввозились из Англии. Но станция освоила сложную технику производства роторов, и мы находимся накануне окончательного освобождения от иностранной зависимости в этой области.

Для второй, пятидесятикватной турбины комсомольцы взяли на себя обязательство сделать советский ротор низкого и высокого давления.

И в сказках, и в песнях тебя пропуют

В Алайском каньоне поется новая песня. Она слава срифнована, грешит против правил стихосложения. И однако... песня ходячая. Популярная в массах бойцов.

Песня сильна своей правдой, ненадуваемой простотой. Сильна тем, что писал ее участник описываемого сражения красноармеец И каньона—Гордон. И оттого в Алайском каньонском так популярны строфы:

*...Собой за всех жертва,
Сержак напор вразов,
Поблуда группа конников
и я नामе СЕНЧУКОВ...*

Кто он—уважаемый песни? Кому посвятив боец Гордон свое первое литературное произведение?

Хорошо помню: он сидел в глубине предидума. Высокий, голубоглазый, в серой шинели. К нему входили участники первого краевого съезда ВЛКСМ.

Юрий, Юрий...
Голубоглазый поворачивал голову в сторону говорившего, отвечал, советовал и вновь сосредоточенно слушал. Тогда, в дни съезда, я и фотограф Клементь несколько раз ловили Юрия в кулуарах. Я для того, чтобы написать очерк, фотограф для того, чтобы сделать снимок для газеты. Юрий пытался «дезертировать», но был пойман. Мы заставили его снять шинель. Юрий—красноволосый, но из скромности носил орден М. 12068 спрятанный под шинелью.

— Военная тайна... подробности боев не могу сообщить,—уклоняется он от интервью.

— Но рассказай хотя бы о том, за что ты получишь орден!

Вот слова в штаб, узнаю, что можно дать для газеты.

Юрий твердо держался военного устава—держал язык за зубами и здесь, на съезде, он чувствовал себя как в боевой обстановке и не выдал военной тайны. Лишь позднее, когда было это разрешено штабом,

тенденция развития социалистической электификации характеризуется концентрацией мощностей и повышением напряжений. Быстрое распространение пара высокого давления открывает широкие перспективы для теплотехники.

Сейчас советская научная мысль работает над созданием пятидесятикватной турбины в 3 000 оборотов в минуту. Пятидесятикватная конденсационная турбина только в 1 500 оборотов в минуту). Что касается конденсационных турбин, то сначала решено было строить очередной тип турбины в 7 500 квт. Комсомол завода им. Сталина предлагает построить турбину в 10 000 квт. Предложение комсомольцев одобрено и принято для практического осуществления.

В американском журнале компании «Дженерал-электрик» напечатана на обложке фотография, изображающая турбину в 15 000 квт. Эта турбина рекламируется, как чудо американской техники.

история получения ордена комсомольцем-бойцом Н конпардиза, Юрием Сенчуковым, стала известна.

«До службы в армии Юрий работал в шахтах Доббаса. С обучением в руках спускался он в глубокие недра, рылся как кот, добывая уголь—для домов и мартов, для гонок паровозов страны, строящей социализм.

Потом армия. Охота за хитрой лисцей—Ибрагим-Беком. Сражения.

Храбрость, находчивость — отличительные черты бывшего шахтера. Нескольким раз Юрий своей смелостью спасал положение отряда. На окружных маневрах, где подвизались итоги борьбы с басмачеством, комсомольцы САВО, т. Давлене, вручили Сенчукову высший знак отличия СССР—орден Красного знамени.

На съезде ВЛКСМ Сенчуков был избран кандидатом в члены райкома. Сенчуков Сенчуков должен быть на пленуме райкома. Он должен присутствовать здесь в зале ДКА, чтобы вместе со всеми наметить дальнейшие пути и задачи среди азиатского комсомола в борьбе за генеральную линию партии.

Юрий Сенчуков должен быть здесь...

8 апреля 1931 г.
Бой с главной бандой Ибрагим-Бека под Найзабулаком. Юрий Сенчуков — этот скромный в своей работе и бою человек—всклазил себя бесстрашным, самоотверженным вожаком, большевиком.

Отступая комсомольской организации Н каньона, коммунист-краснознаменец, активный боевик «Красной звезды», кандидат краевого комитета комсомола, Сенчуков первым бросился в атаку и во главе звена вырвался в многочисленную банду, приводе рукопашный бой.

Банда смята дерзостью смельчаков. Однако, басмачи теснят наш левый флаг. Сенчуков бросается туда, 250 джигитов

Недалек тот час, когда завод им. Сталина создаст еще более мощное чудо—турбину в 10 000 квт.

Комсомольцы, выдвигая предложение о такой мощности, должны соответственно повысить мощность своего производственного энтузиазма в работе над этой турбиной.

Сельного августа на металлургическом заводе им. Сталина состоялось общее собрание инженерно-технического персонала, посвященное речью т. Сталина. Собрание инженеров обратилось к комсомольцам с призывом возгласить над научно-исследовательской работой. В этом призыве инженеров ярко проявилось доверие, которое комсомольцы комсомола завода им. Сталина всей своей практической работой.

Комсомольцы-стальники приняли вызов инженеров и техников. Задача комсомольской организации—оправдать это доверие и в области шефства над научно-исследовательской работой.

открыли огонь по горсточке наших храбрцев. Эскадрон в окружении басмачей. Сенчуков ранен в ногу. Под ним упал раненый конь. Юрий взял винтовку у бойца, подползая к старателю, и хрюкнул от мучительной боли, пшел во главе бойцов на прорыв кольца окружения.

Бойцы заражались мучительной храбростью. Сенчуков.

Кто-то кричал:
— Товарищ Сенчуков, вам коня ведут!

Сенчуков спокойно ответил:
— Коня потом, а сейчас огонь по этой орде. Наши пошли в атаку. Вей гадю!

Кто выстрелом в упор, кто штыком сбивает басмачей. Басмачи, оставив несколько убитых, отступили. Сенчуков истекла кровью, изнемогал, но не подавал вида. Наоборот, он скакал.

— Вы займите коня эту коню. Я вас буду поддерживать огнем.

Он чувствовал, что на исходе его силы. Он видел, как в стороне от него эскадрон врвался в конюшню и уложил. Он отрезан, но выстрел его выстрел насмерть сразит одного бандита за другим.

Два бойца заняли коня и открыли огонь. Сенчуков поднялся, хотел перебежать к товарищам, но упал...

Коммунисты—организаторы и водители в борьбе. На фронте ли социалистической стройки, в борьбе ли с классовым врагом, на полях ли сражений, всегда и везде коммунисты—бесстрашные, самоотверженные вожаки, организаторы побед за дело пролетариата.

Таким водителем был и Сенчуков.

Отрезала канюшка. Не знаят княжич. Подман Ибрагим-Бек. Тысячи Сенчуковых блестяще закончили операцию, дело, за которое боролся бывший шахтер.

В рядах партии, комсомола—утраги.

Но нам ли плакать? Миллионы идущих в комсомол и передвигаемых в партию бесстрашно шагают вперед, склонив знамена над лавиной.

(По материалам газеты «Красная звезда»)

ХУДОЖНИК — БОЕЦ

елена эйхенгольц

К нам приехал Джон Гартфильд—революционный художник Германии. Его должны узнать пролетарская молодежь.

Тов. Гартфильд вместе с революционными рабочими Германии борется в рядах коммунистической партии. Свое большое мастерство художника он сумел превратить в остро отточенное оружие классовой борьбы. Оно беспоощающе разит носителей реакции—буржуазно и социал-предателей всех толков. Джон Гартфильд не мыслит себе свою деятельность художника-подрафиста вне задач партии, в распоряжение которой он отдал себя целиком.

Он прежде всего агитатор-пропагандист. Восми лет он осиротел и увидел жизнь такой, какой ее знают все эксплуатируемые. Он очень рано начинает зарабатывать свой хлеб. Получить художественное образование ему стоило большого труда.

В годы войны, когда беснующиеся шovinисты рождали в германских пролетариях ненависть к их братьям по классу—таким же жертвам капиталистического порядка, как они сами,—в эти годы Джон Гартфильд в знак протеста присвоил себе английское имя и фамилию, ибо ненависть шovinистов больше всего обращалась против англичан. На войне т. Гартфильд пробыв два с половиной года в качестве рядового солдата.

Вместе со своим братом Диком Гартфильдом основал революционное издательство «Малик-Ферлаг» и несколько журналов. Все эти организации неоднократно подвергались репрессиям со стороны социал-демократа Эберта. Брат Гартфильда попал в тюрьму, а ему самому удалось скрыться.

С этого периода работа т. Гартфильда неразрывно связана с борьбой компартии Германии, членом которой он состоит уже четырнадцать лет. Его изобразительным средством является фотомонтаж, т. е. художественная организация документального фото. Джон Гартфильд был первым революционным художником-фотомонтажистом в Германии. Он открыл исключительные возможности этого метода идеологического воздействия на массы.

Толчок к использованию этого приема он получил на империалистической войне, где солдаты, остроумно обманывая цензуру, посылали домой «картинки». Они вырезывали из получаемых с родины газет и журналов фотографии и склеивали их вместе со символами, которые им удавалось сделать у себя, составляя их таким образом, что резко выступал контраст между жизнью окопов и жизнью тех, кто посылал солдат на бойню. Буржуазные художники широко пользуются фотомонтажем для торговых рекламы и порой показывают образцы формального мастерства. Буржуазия прекрасно понимает, каким сильным средством политической агитации является фотомонтаж. В связи с недавно состоявшейся в Берлине выставкой фотомонтажа, буржуазная пресса (Берлинер Беренкурсьер и др. газеты) в отзывах о работе советских художников и членов «Ассоциации революционных художников Германии» недвусмысленно высказала свои соображения по этому поводу: буржуазия должна овладеть этим приемом, чтобы использовать его в своих целях. Но опыты буржуазных художников в этой области не дают положительных результатов. Культурное оскудение буржуазии привело к тому, что у нее уже нет и не может быть новых идей, могущих дать глубокий содержание ее пролетарскому искусству. «Серьезные фотомонтажи являются подлинным фото-документ. Уже это одно затрудняет буржуазии пользование приемом фотомонтажа для воздействия на сознание масс. Ибо, где ты находишь социальные факты, которым можно бы с помощью фотомонтажа придать свою пользу? Где та яркая идея, которая могла бы быть положена в основу монтажа?»

В общем бою
— ни белых ни черных.
Мы знать не хотим
Ни племен, ни рас.
Мы знаем одно:
Наш враг упорный—
Эксплуататорский
Класс.

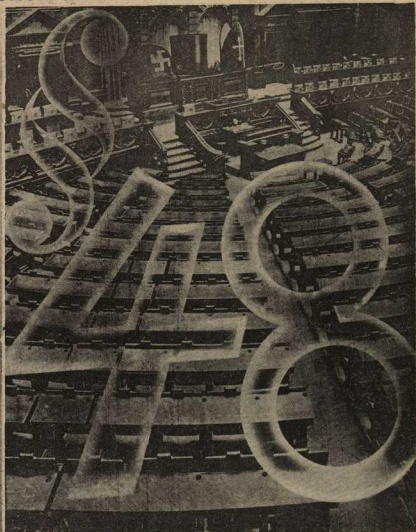
Буржуазия не только не может сказать нового слова—она принуждена маскировать правду, прятать, скрывать свои истинные помыслы. Буржуазные художники, служащие интересам класса, обреченного на гибель, конечно, не могут располагать активными идеями, двигающими человечество вперед, а без них невозможно развитие фотомонтажа как искусства.

Работы т. Гартфильда чрезвычайно разнообразны по своему характеру. Он оформляет газеты, журналы, плакаты, листовки, книги. Его плакаты и листовки с различным кампаниям, проводимым германской компартией, являются блестящими образцами политической агитации. Не менее интересна в этом смысле его работа в журнале «Арbeiter Иллюстриртер Цейтунг» и газете «Роте Фане». Мы даем образцы его работ в этих изданиях. Культурный фантом при помощи «социал-демократического» правительства борется с деятельностью революционных художников, всиневающее противоставленной капиталистическому миру. Работы этих художников нередко конфискуются, в некоторых случаях авторов их привлекают к суду. Принимавшиеся против них меры уточнены: художники не подвергаются тюремному заключению—на них накладывают денежные штрафы. Это сильно бьет по ним, так как они и без того с трудом зарабатывают свой прожиточный минимум, особенно, если техника их работы такова, что связана с большими затратами, как, например, фотомонтаж.

Джон Гартфильд—не замкнувшийся в своем ателье профессионал. Он уделяет большое внимание воспитанию пролетарских кадров. Уже несколько лет он преподает фотомонтаж в школе марксизма. В его группу приходят рабочие, никогда не занимавшиеся изобразительным искусством, и с увеличением знакомства с этим новым средством борьбы за дело пролетариата. Тов. Гартфильд проявляет тоже большую активность как руководитель и участник в оформлении политических демонстраций.

Джон Гартфильд приехал к нам, чтоб проделать здесь целый ряд работ. Издательство Межрабона «Нейвер дейтчер Ферлаг» поручило ему собрать материал для двух книг: «Красная армия и Германская вторая империалистическая война», Гартфильд привез сюда много своих работ для выставки, которая покажет широкие массы творчеством этого художника-бойца. Выставка работ т. Гартфильда состоится в сентябре. Она покажет нас с тем, как ведется классовая борьба средствами искусства в стране, где власть не принадлежит еще пролетариату. Но методы работы Гартфильда могут и должны быть использованы и в наших условиях. Они должны получить массовое применение в нашей фабрично-заводской газетной практике. Тут будет чему поучиться молодежи, в особенности художников, фотомонтажистам и изобретателям.

ГОЛОД И НЕНАВИСТЬ

Мы печатаем письмо одного немецкого безработного, помещенное в немецкой газете „Эрверб-словес“ („Безработный“).

В письме очень ярко и красочно описывается жизнь немецких безработных, которых сейчас насчитывается в Германии 13 миллионов человек.

Немецкие безработные с каждым днем все больше и больше убеждаются, что единственный выход из того тупика, в который их завел капитализм, состоит в осуществлении программы германской Номпартии.

Знаешь ли ты голода? Я говорю не о том испорченном чувстве, когда ты нуждаешься пропустить один обед. Я говорю также и не о той слабости, которая появляется тогда, когда ты несколько дней не получаешь своей обычной порции пищи.

Это все пустяки. Здоровый организм быстро их забывает.

Я говорю о постоянном голоде. Медленно, крадучись, принимается он за тебя. Мучает. Отнимает у тебя остатки воли. Уже много недель главное питание — сухой хлеб. Теплая пища — праздник. Все реже и реже получаешь ты пищу; все длиннее становятся периоды голода. Пришли дни, когда нет совсем ничего.

Кровь бьет в виски. Вода — ты поглощаешь ее литрами. Иногда находишь немного табаку. Дрожащими руками свертываешь себе папиросу. О, вот это хорошо! Ты чувствуешь, как кровь двигается по телу. Полуобморочное состояние охватывает тебя.

Ты напрягаешь свои силы. Не поддавайся! Еще нет! Ты идешь быстро ходить по улице. Внезапно вспоминаешь суп из бобов, который варила твоя мать и который

ты не хотел есть. Ясно вспоминается его вкус. Как хотело бы его съесть сейчас!

Но твои мысли бегут; вот бы найти сто марок. Смешно думать о ста марках. Если бы существовал бог, он должен бы был именно теперь доказать свое существование. Он мог бы доказать, что он милостивый, как говорят поны.

Из дверей ресторана разносятся кухонные запахи. Ноздри расширяются. Тебе становится дурно.

Жадность охватывает тебя. Скорей дальше. У окна продовольственного магазина ты останавливаешься. Взять! Схватить! Набить рот, есть, есть, сколько влезет!

Дальше, дальше! Твой шаг превращается в бег. Налегаешь на кого-то. Стыло, самодовольное лицо. Два удивленных, испуганных глаза смотрят на тебя.

Ненависть прорывается наружу. Ненависть к тем, кто смеет и кто может самодовольно улыбаться, когда ты подыхаешь с голода. Ненависть, зависть, жадность.

Бредешь дальше. Дома снова вода. Собираешь последние крохи табака. Бросяешь на кровать. Тебе все безразлично — твои планы, надежды и нужда.

В висках бьет кровь. Лоб горит. Слабость охватывает и успокаивает тебя. Ты знаешь, медленно проходят мысли, это была неравная борьба, ты побежден.

Ты побежден. Исчезает понятие о времени и пространстве. Исчезают ненависть, жадность и злоба.

Ты не знаешь сколько времени прошло. Шум улицы лироубуждает тебя к жизни. Слушаешь.

Слышишь пение, сначала глухое издали, потом мощное. Ты разбираешь слова.

„Встань! Продавайся законченный... Это звучит, как призыв. Ты вскакиваешь, бежишь к окну.

Виноу длинное шествие. Над ним красивые флаги.

Красные флаги! Как сигнальные флажки, вытесни они над черной толпой. Победу звучит песня. Она требует и грозит.

Ты уже на улице. Плечо к плечу с другими голодными и угнетенными. Твой голод влетает в общий хор. Упрямый, властный, угрожающий.

Он звучит как зов, как призыв к борьбе.

Окончание „Жизнь и гибель Хуана Хименеца“

его второй атака. Через два дня к ней присоединились рабочие винокурного завода, а вскоре забастовали и рабочие ближайших сахарных плантаций. Город оказался во власти бастующих. Жандармский полковой отряд и несколько десятков человек были бессильны перед тысячной массой рабочих, стекавшейся на площади. При первом же выступлении полкешевские были разоружены рабочими. Тогда городские власти в отчаянии телеграфировали в столицу о бунте, требуя срочной присылки войск.

Каждый день на площади шло митинги. Тысячи крестьян стекались в город из окружающих деревень. Хименец умел говорить. Его страстная, горячая речь заиграла толпу. Казалось, народился новый Запата, за которым могла бы пойти страна.

Через неделю в город прибыли и войска, под командой капитана Родригеса. Это был опытный, набивший руку на усмирении крестьянских восставших жандарм. Он сначала сажет пять-шесть деревьев под городом, расстреляв несколько десятков крестьян и еще до своего прибытия навел паннику в городе.

В день прибытия войск Хименец созвал митинг на главной площади. На митинг явилось несколько сот человек. Был полдень. Солнце опалило голубые дома, белые камни заборов, соломенные шляпы людей. Хименец стоял на импровизированном трибуне из винных бочек, под пыльными ивами, к которым привязывали лошадей, и говорил.

Солдаты появились внезапно. Они оценили все условия и заняли проезжую дорогу. Хименец продолжал говорить. Капитан Родригес, стоя подле кабачка на углу улицы, долго слушал его. Потом ухмыльнулся, вынул револьвер, приселся и выстрелил.

Хименец упал.

Это было сигналом нападения. Родригес звал свое дело. Ни один человек не ушел с площади невредимым. Под солдатскими приказами люди падали, обливаясь кровью, зацепившись за раскаленные камни мостовой.

Хименец не был убит, он был только ранен и его унесли к одному из сочувствующих им жителей. В тот же день город был объявлен в военном положении. Запрещались демонстрации, митинги, собрания. По домам рабочих начали ходить подкулачные предатели, убеждая людей сдать на работу. Стачка была проиграна.

Хименец пролежал пять дней в постели, ничего не зная о случившемся. Педро Мелла со слезами шараем на лице, полученным от

удара солдатской сабля на митинге, первый рассказал ему, Хименец исплиел. Он потребовал в тот же вечер созвать совещание стачечного комитета.

Мы явились к нему ночью, а к утру дом был окружен солдатами и все мы были арестованы. Троицки из нас удалось бежать. В их числе был и я.

Так рассказывал Мелла, друг Хуанито, индекс по крови и нынешний комсомольский организатор в Парачо. О расстреле Хименеца он узнал от одного из солдат.

Смерть Хименеца наступила на рассвете с первыми лучами солнца, следствием оставшую за ночь паль. Рассказ Мелла слово за словом рисовал мне эту картину.

И я видел старую стену, озаренную солнцем, граниющую землю, потоптанную муками и людьми, солдат с винтовками в руках и Хименеца...

Он стоял у стены с руками, закрученными за спиной. Сам капитан Родригес явился на место казни. Он подошел к Хименецу и долго смотрел ему в лицо, словно хотел запомнить черты его на всю жизнь. Потом обратился к нему с извечной для всех палачей шуткой: — Ты требовал земли и ты ее получаешь. Дайте ему лопату.

Хименец спокойно посмотрел на него.

— Развяжите мне руки, — сказал он.

Ему развязали их. Хименец потянулся, взял лопату и спросил ухмыляющегося Родригеса:

— Где?

Тот указал ему место у стены. Хименец улыбнулся, поднял голову и пристально посмотрел на небо. Капитан Родригес невольно поднял голову и взглянул туда же.

И в этот момент случилось то, чего никто не ожидал. Хименец размахнулся лопатой и с силой удара ею в горло капитана Родригеса. Тот упал с клеточком крови, хлывшей из раны. Лопата перерезала ему горло до позвоночника.

— Теперь законите нас вместе, — сиронизировал Хименец.

Ему не дали ответить. Несколько пуль, выпущенных в него, были ответом. Он умер сразу, не придя в сознание.

Я простился с Мелла, сдерживая подступившие к горлу слезы, и уехал в тот же вечер из города, унося с собой страшную память о последних днях жизни и гибели моего друга Хуана Хименеца.

Перевод и обработка А. Абрамова.

Шахматы

под редакцией л. н. гугеля

1-й международный конкурс двухходовок „Смены“.

„Смена“ объявляет международный конкурс на составление шахматных задач двухходовок. В этом конкурсе могут принять участие молодые прогрессивные шахматисты-любители. Условья его таковы: задачи в любом количестве, в любом виде (на диаграмме или в нотации) вместе с краткой автобиографией автора их посылаются до 15 декабря по адресу: Москва, В. Черкасский переулок, дом 6. Редакция „СМЕНИ“, с пометкой: „На международный конкурс“. В янва-

ре судьи конкурса—Л. Гугель и Е. Уминов-онубинкут результат конкурса. Тридцать лучших задач будут награждены премиями (Бюст Левина, книга, жетон и т. д.). Кроме того, все участники конкурса, независимо от того, попали они в число призеров или нет, получат специальные художественно исполненные грамоты. Номера журналов, в которых будут печататься конкурсные задачи и результат конкурса, будут бесплатно разосланы вместе с участниками грамот.

Этот конкурс должен собрать в число своих участников всю молодежь, которая в шахматах видит не правую забаву, а одно из средств постижения борис-революционера. Молодые пролетарии! Массовым участием в этом конкурсе покажите продажному Люперскому интернационалу и всем, кто не верит в нашу победу на всех фронтах, что и в этой области искусства настоящее и будущее—за нами. Редакция „Смены“

смотр советского шахматного движения

В октябре в Москве состоится седьмой всесоюзный шахматно-шахечный съезд. Он поведает итоги работы за три года, прошедших со времени последнего съезда. Программа его чрезвычайно обширна. В порядке дня съезда—открытый доклад объединенного шахматно-шахечного сектора ВФК СССР и РСФСР и очередные задачи шахматно-шахечного движения (докладчик Н. В. Крыльцов), доклад шахматского бюро ФК ВЦСПС, международное рабочее шахматное движение (докладчик Т. В. Жолдак); контрольные цифры роста шахматки и учет ш/д работы (докладчик г. В. Еремеев).

Вопросы организационные, учебно-методические, квалификационные, шахматно-шахечной печати, композиции будут проработаны в секциях и утверждены съездом. На съезд придут до 100 делегатов с решающим голосом от всех СФК, 60 от профсоюзов, 15 от военизма ИЗО—от „Линиаго“. Все делегаты должны быть избраны в низовых шахматно-шахечных коллективах из числа лучших участников-активных шахматно-шахечных работников. Одновременно будут проведены шахматно-шахечные соревнования по программе всесоюзный шахматный турнир, шахматный чемпионат СССР, всесоюзный шахматно-шахечный чемпионат СССР, любительский шахматный турнир, второй малый шахматный чемпионат СССР, командный шахматно-шахечный турнир на первенство ВЦСПС и шахматный чемпионат Красной армии и флота.

Эти соревнования привлекут в общей сложности до 400 лучших советских шахматистов и шахечников. Ни один из съездов не вызывал такой активности мест, как седьмой. На фабриках, заводах, в совхозах развилась мощная шахматно-шахечная старательница. Эти съезды показали еще один радостный факт. Это—бурный рост молодых сил. С прекрасным результатом, далеко опережая признанных мастеров, в Ленинграде выиграл первое место юный на шахматных мастерах—М. Ботвинник. Твердо и уверенно, не проиграв ни одной партии, завоевала московское первенство двадцатилетняя Рамина. Еще раз доказала свою силу и изобретательность победительница знаменитых соревнований Голландии молодой девчонка как по возрасту, так и по стажу. Буквально на глазах у всех сверх-быстро вырос росточек Баяв, уверенно занявший первое место на северо-кавказском турнире. К ряду своих побед молодой Кавказ прибавил еще и победу в тифлисском турнире.

Много их, молодых шахматистов, выросших за последние годы. Тому, кто хочет узнать их всех, советуем просто посмотреть списки участников соревнований. Почти всегда будет большинство участников—молодежь. Молодежь, которая на шахматной атаке и стратегии тренирует себя к близкой победной атаке на капиталистический мир.

Седьмой съезд даст также шахматно-шахечной организации генеральный план развития шахматно-шахечной работы в соответствии с задачами социалистического строительства. Он дол-

ВТОРОЙ КОНКУРС РЕШЕНИЙ:

Задача № 10

А. Виленько (Полтава)

Мат в 2 хода

Задача № 19

Г. П. Калужин (Ленинград)

Мат в 2 хода

Задача № 20

А. Куртенов (Москва)

Мат в 2 хода

6+4=10

Партия № 3

Защита Алевкина

Эта партия была сыграна в чемпионате города Уфы между молодыми шахматистами Носковым (белые) и А. Давыдовым (черные). Выиграли ее обеспечения Носкову первое место в чемпионате. Носков—участник ряда серьезных соревнований, имеет первую всесоюзную категорию +) 1. e2 e1 Kc8 f6; 2. e4-e5 Kf6-d5; 3. e2-e4 Kd5-f6; 4. d2-d4 d7-b6; 5. e5-e6 e7-d6; 6. Cf1-e2 Cc8-f5; 7. Kc1-f3 Kf8-c6; 8. Q-O Qf8-e7; 9. b2-b3 f8-d7; 10. Ce1-b2 Ce7-f6; 11. Kf1-c3 O-O-O; 12. Jf1-e1 g7-g5; 13. a2-a4 b5-g4; 14. a4 a5! Kf6 : c4; 15. b3 : c4 g4 : f3; 16. Ce2 : f3 Kc6 : d4; 17. a5-a6! Kd4 : f3-; 18. f6!; 13-7 c6; 19. a6 : b7 + Kc8-b8 ♀

20. Jf1-a5! Jf8-c8! ♀; 21. Le1-a1 Cf6 : e3; 22. Ch2 : c3 Cf5-e4; 23. Cf3-f4! ♀; 24. Cc1-b1 ♀; 25. Cd4 : a7 + Черные сдались ♀.

*) Шахматный СССР разделяется в зависимости от года игры на пять категорий. Ваш категорию ставит мастер.

жен выявить еще ряд новых путей, по которым шахматы и шахечники пойдут в работе казармы, избы-читальни, выполняя свою основную роль, роль культурного воспитания и организатора жизни. Привет седьмому всесоюзному шахматно-шахечному съезду!

Примечания

¹ Смысл предпоследних ходов черных заключается в „замыливание“ центральных пешек противника на полях, где они легко атакуются. Теперь белые вынуждены или еще больше ослабить свои пешки ходом 5. f4, или же меняться на d6. Эта защита была открыта и разработана безмерно скромными советским мастером Златошанком, но получила имя Алевкина, впервые применившего ее в международной практике.

² Можно было также избрать другой план игры в случае O-O-O и Kf8-d7, с постоянным наблюдением за пунктом e5.

³ Белые предпоследними сыграли 13 : d4, затем 14. Kd5 K : d5; 15 : c4 Kf4; 16. Gf5, вынуждая 16... c6-шах, ослабляющий позицию черного короля. Своим активным ходом черные заставляли белых изменить план игры.

⁴ Вариант 14... g : f; 15. a : b; 16. C : f3 ведет к другому положению для белых. Но черные напросто отказываются от 14... g : f; 15. a : b; 16. a : e; 17. a : f; 18. a : f; 19. a : f; 20. Jf1-d1 c6, и белые вряд ли нашли бы за доской лучший им преимущество ход 19. Kd5!

⁵ За выигранную пешку черные дали белым неотраженную атаку на разбитую позицию короля.

⁶ Если 20... c6; 21. Le1 Cc4; 22. Jf1 : a7 со скройным матом.

⁷ Белые бинавозможности черных. Они лишаются возможности играть в дальнейшем c6-c5 (зашахечное от нападения слона).

⁸ С довольно „скромной“ целью: Le8 e1! X! Но белое оказывается проигрыше.

⁹ Прогрессивная ферзь неизбежна (25... Kr c8; 26. Cc6! с последующим Jd4-b4 и Jd4, выигрывающая ферзя и вскоре замыкающая белую позицию короля).

Примечания П. В. Носкова

Поправка.

В № 24 „Смены“ по техническому неосмотру под очерком „Омоложение 12—64“ выпала подпись Т. Чересов, под очерком „Электрофор победит“ С. Липовецкий.

комсомольцы-штукатур
за изготовлением массы штукатурки
комсомольской бригады 7-ой Лепсе,
награжденная орденом Ленина.

«Многими новыми видами
во все отрасли промышленности»
литовцы-штукатуры за работой
за исполнением задания «Фр. Прометарий»,
переданная в ряды ВЛКСМ.

Ученые кадры
академических работников,
специалисты в области техники,
члены комсомола
участники ФГУ Узбекского колхозного цеха типографии
«Правда Востока»
защипают вылеты в комсомол

ТАК БЬЕТСЯ ПУЛЬС

ЛЕНИНСКОГО

КОМСОМОДА